

НЕЛЬСОН МАНДЕЛА

ЛАУРЕАТ НОБЕЛЕВСКОЙ ПРЕМИИ МИРА

ДОЛГАЯ ДОРОГА К СВОБОДЕ

АВТОБИОГРАФИЯ
УЗНИКА,
СТАВШЕГО
ПРЕЗИДЕНТОМ

Автобиография великого человека

Нельсон Мандела

**Долгая дорога к свободе.
Автобиография узника,
ставшего президентом**

«ЭКСМО»

1994, 1995

УДК 929(680)

ББК 63.3(6ЮЖН)-8

Мандела Н.

Долгая дорога к свободе. Автобиография узника,
ставшего президентом / Н. Мандела — «Эксмо», 1994,
1995 — (Автобиография великого человека)

ISBN 978-5-04-169836-2

Международный бестселлер. Автобиография Нельсона Манделы — незаурядного человека, международного героя, одного из величайших моральных и политических авторитетов нашего времени. Вдохновляющая эпическая история жизни, рассказанная с ясностью и красноречием прирожденного лидера. Эти воспоминания, начатые в 1974 году в тюрьме Роббен-Айленд, были завершены Нельсоном Манделой через 27 лет заключения, вскоре после его триумфального освобождения в 1990 году. Возможно, главной заслугой Нельсона Манделы является переход без гражданской войны и с минимальными человеческими жертвами к демократической форме государства. Он олицетворяет для миллионов людей торжество достоинства и надежды над отчаянием и ненавистью, самодисциплины и любви над преследованием и позором. Выдающаяся жизнь, посвященная борьбе против расового и политического угнетения, принесла Нельсону Манделе Нобелевскую премию мира и вознесла до поста президента страны. Это больше, чем автобиография. Это хроника жизни уникального человека, который преодолел многие личные, клановые и партийные предубеждения и вел неустанную борьбу за свободу даже после ареста, изоляции и заключения в тюрьму. Это история общественного деятеля и борца, который смог избежать ловушки «благородного гнева» и ненависти к противникам, чтобы стать миротворцем, объединителем нации и признанным мировым лидером. Помимо своего исторического значения эта книга представляет собой захватывающий, подробный и основанный на фактах документ о развитии личности в условиях давления и угроз, перед которыми большинство людей капитулировало бы как внутренне, так и внешне. «Он был человеком храбрым, принципиальным и безупречно

честным, замечательным человеком, одним из тех, о ком с уверенностью можно сказать: "Он прожил свою жизнь не зря"». — ДАЛАЙ-ЛАМА XIV, духовный лидер буддистов Тибета, нобелевский лауреат «Я не переставал восхищаться его порядочностью, скромностью и огромными заслугами». — ФИДЕЛЬ КАСТРО, кубинский революционер «Он достиг большего, чем мог надеяться достичь человек. Он был одним из самых влиятельных и отважных в мире людей. Нельсон Мандела принадлежит не нам, а вечности. Я один из многих миллионов, кто вдохновлялся жизнью Нельсона Манделы». — БАРАК ОБАМА, 44-й президент США, нобелевский лауреат «Замечательная книга... Блестящее описание как дьявольской системы подавления личности, так и силы духа, способной преодолеть ее...» — WASHINGTON POST «У этой книги неодолимое обаяние. Ее можно отнести к числу тех немногих политических автобиографий, которые действительно захватывают читателя». — LOS ANGELES TIMES «В этой автобиографии перед читателем возникает... живой, человеческий образ Нельсона Манделы, далекий от иконы». — NEW YORK TIMES «Подлинный голос Манделы сияет в этой книге... гуманно, достойно и без озлобленности». — THE TIMES «Одна из самых экстраординарных политических историй двадцатого века, которая будет по достоинству оценена теми, кто желает понять, в чем может заключаться источник человеческого величия». — FINANCIAL TIMES «Эпическая история борьбы, самообразования и личного роста. Это хроника жизни человека, чей идеализм и надежда вдохновляли мир, склонный к цинизму». — DAILY TELEGRAPH «Эта книга — руководство к действию для всех... Ее необходимо прочесть каждому». — THE BOSTON GLOBE «Одна из самых позитивных книг, которые вы когда-либо читали». — GQ В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 929(680)

ББК 63.3(6Южн)-8

ISBN 978-5-04-169836-2

© Мандела Н., 1994, 1995

© Эксмо, 1994, 1995

Содержание

Предисловие	9
Слова признательности	11
Часть первая. Деревенское детство	12
1	12
2	16
3	21
4	29
5	34
6	38
7	43
8	51
Часть вторая. Йоханнесбург	56
9	56
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Нelson Мандела

Долгая дорога к свободе. Автобиография узника, ставшего президентом

Я посвящаю эту книгу моим шестерым детям: скончавшимся Мадике и Маказиве (моей первой дочери) и здравствующим Макгато, Маказиве, Зенани и Зиндзи, – чьей поддержкой и любовью я дорожу, а также моим двадцати одному внуку и трем правнукам, которые доставляют мне огромное удовольствие, и всем моим товарищам, друзьям и соотечественникам из Южной Африки, которым я служу и чье мужество, решимость и патриотизм остаются моим источником вдохновения.

Nelson Mandela

LONG WALK TO FREEDOM: The Autobiography of Nelson Mandela

Copyright 1994, 1995 by Nelson Rolihlahla Mandela

Foreword copyright © 2013 by William Jefferson Clinton

This edition published by arrangement with Little, Brown and Company,
New York, New York, USA. All rights reserved.

© Мовчан А.Б., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

«Замечательная книга... Блестящее описание как дьявольской системы подавления личности, так и силы духа, способной преодолеть ее... Читателям представлена одна из замечательных жизней двадцатого века».
Washington Post

«У этой книги неодолимое обаяние. Ее можно отнести к числу тех немногих политических автобиографий, которые действительно захватывают читателя».
Los Angeles Times

«Поистине замечательная автобиография, острая, написанная хорошим слогом, легко читаемая... Она столь же эмоционально увлекательная, сколь и информативная».
Chicago Tribune

«В этой автобиографии перед читателем возникает... живой, человеческий образ Нельсона Манделы, далекий от иконы».
New York Times

«В этой истории о жизни и борьбе Манделы, которая не оставит читателя равнодушным, не случайны такие слова, как великодушие, стойкость, терпение... Мы рады приветствовать человека, который смог

так долго ждать и который знал, ради чего он ждал так долго. Вива, Мандела, вива!»
Globe and Mail

«Захватывающий гобелен недавней истории Южной Африки, который увлекает с первых же страниц... Книга читается с неослабевающим интересом, ее прямота и честность порой способны ранить читателя».
San Francisco Chronicle

«Одна из самых экстраординарных политических историй двадцатого века, которая будет по достоинству оценена теми, кто желает понять, в чем может заключаться источник человеческого величия».
Financial Times

«Трогательная хроника одной из наиболее замечательных жизней двадцатого века».
Christian Science Monitor

«Перед нами предстает человек действия, активно отстаивавший свои идеалы всю жизнь. Его можно смело назвать одним из немногих настоящих героев нашего времени».
Kirkus Reviews

«Мандела пишет с редкой и весьма трогательной искренностью».
The Economist

«[В этой книге] трогательно повествуется о необыкновенной, полной драматизма жизни Нельсона Манделы».
Sunday Times

«Эта книга – настоящая жемчужина. Она позволяет читателю совершить увлекательное путешествие, о котором ему не придется пожалеть».
The Oregonian

«Эта книга должна быть в вашем списке "литературы, обязательной к прочтению"... Наш мир, жаждущий героев и примеров для подражания, может найти в ней одного из них».
Edmonton Journal

«Книга позволяет познакомиться с увлекательной жизнью Нельсона Манделы... Она напоминает нам о неукротимом человеческом духе, причем с таким изяществом и такой утонченностью, которые только подчеркивают его значимость».
San Diego Union-Tribune

«Автобиография Нельсона Манделы – одна из тех редких книг, в которых определено мерило нашего гуманизма».
New York Newsday

«Эта книга – руководство к действию для всех... Ее необходимо прочесть каждому».
The Boston Globe

«В этих прекрасных мемуарах сочетаются изящество слога Манделы и его мудрые размышления о своей жизни и борьбе за свободу, которая стала основой этой жизни».

Publishers Weekly

«Это мудрая история о жизни и деле всей жизни... Это удивительное откровение человека, который считается для своей страны лидером уровня Джорджа Вашингтона, Авраама Линкольна, Махатмы Ганди».

Montreal Gazette

«Захватывающая история, рассказанная человеком, знающим описываемые события не понаслышке... Увлекательная и честная, способная причинить читателю боль своей откровенностью».

San Francisco Chronicle

«Эти мемуары – захватывающая, увлекательная, мудрая история, изложенная современным достойным политиком мирового уровня».

BookPage

«Эпическая история... Она прочитывается на одном дыхании, как и описание того знаменитого дня в 1990 году, когда Мандела торжествуя вышел из ворот тюрьмы – навстречу свободе и государственной власти».

The Plain Dealer

«Подлинный голос Манделы сияет в этой книге... гуманно, достойно и без озлобленности».

The Times

«Эпическая история борьбы, самообразования и личного роста. Это хроника жизни человека, чей идеализм и надежда вдохновляли мир, склонный к цинизму».

Daily Telegraph

«Одна из самых позитивных книг, которые вы когда-либо читали».

GQ

Предисловие

«Долгий путь к свободе» – это больше, чем автобиография великого человека. Это хроника жизни уникальной личности, которая порвала со своей семьей и традициями и вела неустанную борьбу за свободу даже после ареста, изоляции и заключения в тюрьму. Это история революционера, который смог преодолеть все тяготы, чтобы стать миротворцем и объединителем нации. Это жизнеописание редкой исторической фигуры, которая, освободившись от преследовавших ее демонов, приобрела долгожданную свободу, чтобы успешно возглавить свою страну и стать мировым лидером.

Однажды я попросил Манделу описать его долгий путь от тюремной камеры до поста президента страны. «Когда ты молод и силен, – ответил он мне, – ты можешь жить своей ненавистью. И я так и поступал в течение многих лет». Затем, после многих лет тюремного заключения, после физического и эмоционального насилия и длительной разлуки со своей семьей, Мандела признался: «Я понял, что у меня можно отнять все, кроме моего разума и моего сердца. Это у меня невозможно забрать. Это то, что могу контролировать только я. И я решил не отдавать этого никому».

Таким образом, автобиография Манделы – это действительно рассказ о том, как он смог сохранить свой блестящий ум и свое большое сердце. Благодаря автобиографии мы имеем возможность оценить мудрость этого человека, разделить с ним ощущение справедливости истории и осознать слабость его могущественных врагов. Страницы его книги полны безграничной любви к своей семье и своей стране, его искренним восхищением товарищами, борцами за свободу, его готовностью простить даже своих тюремщиков.

Как-то я поинтересовался у него: «Скажи мне правду: когда ты выходил из тюрьмы после двадцати семи лет заключения и шел к своей свободе, разве ты забыл свою ненависть к своим мучителям?» И он ответил: «Безусловно, я продолжал ненавидеть их. Они так долго держали меня в заключении. Они издевались надо мной. Я не видел, как растут мои дети. Я лишился своего брака, потерял лучшие годы своей жизни. Я испытывал чувство озлобленности. И мне было просто страшно, потому что я так долго был лишен свободы. Но, приблизившись к машине, которая должна была увезти меня, я понял, что если я, миновав тюремные ворота, сохранию в себе ненависть к своим тюремщикам, то они останутся со мной. А я хотел стать свободным. И поэтому я отказался от ненависти. Я забыл ее. Я простил своих мучителей».

Забыв ненависть, Мандела сохранил свой разум и свое сердце. Они понадобились ему, чтобы возглавить страну. Как он объясняет в автобиографии, «чтобы заключить мир с врагом, нужно сотрудничать с ним; он в таком случае становится твоим партнером». Такое партнерство дается весьма нелегко. Разъясняя, почему Африканский национальный конгресс принял судьбоносное решение отказаться от политики ненасильственных действий и взяться за оружие, Мандела пишет, что у него не было другого выбора, поскольку «угнетатель определяет характер борьбы».

Но характер победы определил не угнетатель, это сделал Нельсон Мандела. Победа над апартеидом в Южной Африке была определена двумя существенными факторами: примирением с теми, которых объединила борьба с силами апартеида, и разделением с ними власти. Нетрудно понять, что разделение власти было результатом светлого ума Манделы, а примирение – проявлением его большого сердца. Будущее, которое он создал, было бы невозможно без упомянутых факторов.

Один из моих знакомых однажды стал свидетелем примечательной сцены в аэропорту Южной Африки с участием Манделы. Он рассказал мне эту историю. Нельсон Мандела, в то время уже Президент ЮАР, заметил даму, которая проходила мимо него со своей дочерью – красивой девочкой пяти или шести лет, со светлыми волосами и голубыми глазами. Мандела

подошел к этой девочке, наклонился, пожал ей руку и спросил: «Ты знаешь, кто я?» Ребенок улыбнулся в ответ и сказал: «Да, ты – Президент Мандела». Нельсон Мандела сказал: «Да, я – твой Президент. А если ты будешь усердно учиться в школе, многому научишься и будешь хорошо ко всем относиться, то ты тоже сможешь, когда вырастешь, стать Президентом Южной Африки».

Поняв всю бесчеловечную сущность апартеида, Нельсон Мандела осознал также то, чего так много людей не смогли уяснить: угнетатель сам является узником предрассудков и ограниченности ума, одни и те же цепи связывают всех южноафриканцев, независимо от цвета их кожи. Эта замечательная книга, которая сейчас перед вами, – хроника того, как ее автор сначала освободил самого себя, а затем своих сограждан, взяв их с собой в долгий путь к свободе.

Бывший Президент США Билл Клинтон, Гарлем, Нью-Йорк, апрель 2013 г.

Слова признательности

Как станет ясно читателям этой книги, у нее давняя история. Я начал писать ее тайно в 1974 году во время своего заключения на острове Роббен. Эта рукопись вряд ли была завершена, если бы не усилия моих старых товарищей Уолтера Сисулу и Ахмеда Катрады, которые сделали все возможное, чтобы оживить мои воспоминания. Копия рукописи, которую я хранил при себе, была обнаружена властями и конфискована. Однако мои сокамерники Мак Махарадж и Ису Чиба обладали не только уникальными каллиграфическими навыками. Они также позаботились о том, чтобы оригинальная рукопись благополучно дошла до места назначения. Я возобновил работу над ней после своего освобождения из тюрьмы в 1990 году.

С момента моего освобождения мой рабочий график был насыщен многочисленными обязанностями и делами, которые оставляли мне мало свободного времени для писательской деятельности. К счастью, мне активно помогали мои преданные коллеги, друзья и профессионалы, которые оказали содействие в завершении этой работы. Я хотел бы выразить им свою признательность.

Я глубоко благодарен Ричарду Штенгелю, который сотрудничал со мной в создании этой книги, оказав неоценимую помощь в редактировании и доработке ее первых частей и в написании ее завершающих разделов. Я с нежностью вспоминаю наши ранние утренние прогулки по Транскею¹ и многочасовые беседы в Шелл-Хаусе² в Йоханнесбурге и в моем доме в Хоутоне. Хотел бы выразить особую признательность Мэри Пфафф, которая помогала Ричарду в его работе. Я также активно пользовался советами и поддержкой Фатимы Меер, Питера Магубейна, Надин Гордимер и Иезекииля Мфалеле.

Особую дань уважения хотел бы выразить моему товарищу Ахмеду Катраде за долгие часы, потраченные им на просмотр, правку моего текста и придание точности изложенной мной истории. Я крайне признателен сотрудникам моего офиса Африканского национального конгресса, которые терпеливо разбирались с техническим аспектом создания этой книги. Особая благодарность – Барбаре Масекеле за ее эффективную координацию этой деятельности. Икбал Меер также уделил много сил обеспечению издания моей книги. Я благодарен своему редактору Уильяму Филлипсу из издательства «Литтл, Браун энд Компани», который руководил этим проектом с начала 1990-х годов и редактировал текст, а также его коллегам Джордану Павлину, Стиву Шнайдеру, Майку Мэттилу и Донне Петерсон. Я также хотел бы поблагодарить профессора Гейл Герхарт за ее рецензию на мою рукопись с фактологическим комментарием.

---

¹ Транскей – первый из бывших так называемых автономных регионов (бантустанов) народностей группы банту у восточного побережья ЮАР. – Прим. переводчика.

² Шелл-Хаус – штаб-квартира Африканского национального конгресса, расположена в центре Йоханнесбурга.

Часть первая. Деревенское детство

1

Помимо жизни, крепкого телосложения и прямой связи с правящей династией тембу, мой отец дал мне также при рождении имя Ролилахла. На языке народа коса Ролилахла буквально означает «дергающий ветку дерева», однако его более точным разговорным значением следовало бы считать «нарушитель спокойствия», «проказник». Я не верю, что имя человека определяет его судьбу или что мой отец каким-то образом смог предсказать мое будущее, но в последующие годы мои друзья и родственники были готовы приписать этому имени, данному мне при рождении, множество потрясений и бурь, которые я вызвал и пережил сам. Более знакомое широкой общественности английское (или христианское) имя мне было дано в мой первый школьный день. Однако я несколько забегаю вперед.

Я родился 18 июля 1918 года в Мфезо, крошечной деревушке на берегу реки Мбаше, недалеко от города Умтата, столицы бантустана Транскей. Год моего рождения ознаменовался окончанием Первой мировой войны, вспышкой пандемии испанского гриппа, унесшей жизни миллионов людей во всем мире, и визитом делегации Африканского национального конгресса³ на Версальскую мирную конференцию, чтобы выразить недовольство африканского населения Южной Африки. Мфезо, однако, было небольшим, изолированным от внешнего мира поселением, удаленным от великих исторических событий, жизнь в котором не менялась на протяжении сотен лет.

Бантустан Транскей находился в восьмистах милях к востоку от Кейптауна и пятистах пятидесяти милях к югу от Йоханнесбурга, между рекой Кей и границей с провинцией Наталь, между скалистыми Дракенсбергскими горами⁴ на севере и голубыми водами Индийского океана на юге. Это прекрасный край пологих холмов, плодородных долин и тысячи рек и ручьев, которые сохраняют ландшафт зеленым даже зимой. Когда-то Транскей был одной из крупнейших административных единиц Южной Африки, занимая территорию размером с Королевство Свазиленд, с населением около трех с половиной миллионов человек, в основном представителей народа коса. В крайне незначительном количестве здесь проживали также представители народа басото и белые. Этот край является домом для династии тембу, субэтнуса народа коса, к которому принадлежу и я.

Мой отец Гадла Генри Мфаканьисва был правителем как по крови, так и в соответствии с традициями. Вождем племени тембу он был назначен главой деревни Мфезо, однако при британском колониальном правлении это решение должно было быть утверждено колониальными властями, которые в Мфезо были представлены магистратом (или мировым судьей). Как утвержденный британскими властями глава деревни, он имел право на жалование, а также на часть сборов, которые местный магистрат взимал с общины за вакцинацию скота и общинные земли. Хотя должность главы поселения была почтенной и уважаемой, она уже тогда, семьдесят пять лет назад, была унижена обязательным контролем со стороны белых властей, к которым африканцы питали мало симпатий.

Племя тембу насчитывает двадцать поколений, у его истоков стоял вождь Зуайд. Оно жило в предгорьях Дракенсбергских гор и в XVI веке мигрировало к побережью, где вошло в состав народа коса. Народ коса является частью общности нгуни, которая, по крайней мере с XI века, проживала, охотилась и рыбачила в плодородном и умеренном по климату юго-восточ-

---

³ В указанное время организация носила название «Южноафриканский туземный национальный конгресс».

⁴ Другое название этой горной системы – Драконовы горы.

ном регионе Южной Африки, расположенном между большим внутренним плато на севере и Индийским океаном на юге. Общность нгуни можно разделить на северную группу (народ зулу и народ свази) и южную группу, которая состоит из кланов амабака, амабомьяна, амагалка, амамфенгу, амамподомис, амампондо, абесото и абетембу, разговаривающих на языке народа коса.

Коса – гордый народ, живущий по законам патриархата, с выразительным и благозвучным языком и твердой верой в значимость законов, образования и такта. В нем всегда царил сбалансированный и гармоничный социальный порядок, при котором каждый член общества знал свое место. Народ коса состоит из нескольких кланов, каждый из которых ведет свое происхождение от определенного предка. Я являюсь членом клана Мадиба, названного в честь вождя племени тембу, правившего в Транскее в XVIII веке. В знак уважения меня часто называют Мадиба – по имени моего клана.

Нгубенгкука, один из величайших вождей, объединивший племя тембу, умер в 1830 году. Согласно традиции, у него были жены из основных семейств племени: из Большого Семейства (именно из него выбирался наследник), Семейства Правой Руки и Семейства Иксиба, младшего семейства, которое иногда называли Семейством Левой Руки. В задачу представителей Семейства Иксиба входило разрешать внутриплеменные споры. Мтикракра, старший сын Большого Семейства, стал наследником Нгубенгкуки, среди его сыновей были Нгангелизве и Матанзима. Сабата (по закону и согласно традиции мой племянник), который правил племенем тембу с 1954 года, являлся внуком Нгангелизве и старшим сыном Кайзера Даливонги (более известного как К. Д. Матанзима), бывшего главного министра Транскея, прямого потомка Матанзимы. Старшим сыном Семейства Иксиба являлся Симакаде, младшим братом которого был Мандела, мой дед.

Хотя на протяжении десятилетий возникало множество историй о том, что я являюсь наследником на должность вождя племени тембу, анализ генеалогического древа, которое я только что представил, разоблачает эти домыслы. Хотя я и был членом одного из основных семейств племени, однако не принадлежал к числу немногих привилегированных лиц, предназначенных для руководства им. Вместо этого меня как потомка Семейства Иксиба готовили, как и моего отца, давать компетентные советы правителям племени тембу.

Мой отец был высоким темнокожим мужчиной с прямой и величественной осанкой, которую, как мне хотелось бы думать, я унаследовал. Прямо надо лбом у него был пучок седых волос, и я в юном возрасте любил втирать себе в волосы белый пепел, чтобы стать похожим на него. Отец отличался строгими манерами и не жалел розог, наказывая своих детей. Он был способен проявлять чрезвычайное упрямство. Эта черта характера, к несчастью, передалась по наследству.

Моего отца иногда называют премьер-министром Тембуленда во время правления Далиндьебо, отца Сабаты, который находился у власти в начале 1900-х годов, и его сына Джонгинтабы, который сменил его. По существу, этой должности как таковой не существовало, но ту роль, которую он играл в жизни племени тембу, можно обозначить именно таким образом. Как уважаемый и ценный советник обоих вождей племени, он сопровождал их в поездках и обычно находился рядом во время важных встреч с правительственными чиновниками. Он являлся признанным хранителем истории народа коса, и отчасти по этой причине его высоко ценили в качестве советника. Я стал с ранних лет проявлять интерес к истории, и отец всячески поощрял его. Хотя мой отец не умел ни читать, ни писать, он слыл превосходным оратором, способным буквально очаровать своих слушателей. Он использовал этот дар как для того, чтобы развлечь их, так и для их обучения.

В последующие годы я обнаружил, что мой отец являлся не только советником вождей, но и их создателем, своего рода серым кардиналом. После безвременной смерти Джонгелизве в 1920-х годах Сабата, маленький сын Старшей Жены Большого Семейства, был слишком

молод, чтобы унаследовать должность вождя. Возник спор о том, кого из трех старших сыновей Далиндьебо от разных жен (Джонгинтабу, Дабуламанзи или Мелитафу) следует выбрать в качестве временного преемника. Основываясь на совете моего отца, был рекомендован Джонгинтаба на том основании, что он был самым образованным из перечисленных кандидатов. Как отметил отец, Джонгинтаба стал бы не только прекрасным руководителем племени, но и отличным наставником молодого человека, готовящегося стать вождем. Мой отец и другие влиятельные представители племени, не имея образования, питали к нему большое уважение. Рекомендация отца была достаточно спорной, так как мать Джонгинтабы относилась к младшему семейству, однако объявленный выбор (сделанный на основе совета отца) в конечном счете был принят как членами племени тембу, так и британскими властями. Со временем Джонгинтаба оплатит за эту услугу совершенно удивительным образом. Так, как мой отец в то время и представить себе не мог.

У моего отца всего было четыре жены, я родился от третьей, Носекени Фанни, которая являлась дочерью Нкедамы из клана амампемву народа коса и принадлежала к Семейству Правой Руки. У каждой из этих жен – жены из Большого Семейства, жены из Семейства Правой Руки (моей матери), жены из Семействалевой Руки и жены из Семейства Икади (семейство поддержки) – был свой собственный крааль, отдельное домохозяйство, включавшее в себя, как правило, огороженный загон для животных, земли для выращивания сельскохозяйственных культур и одну или несколько хижин с соломенной крышей. Краали жен моего отца располагались на удалении нескольких миль друг от друга, и он попеременно навещал их. В результате этих визитов мой отец произвел на свет тринадцать детей (четырех мальчиков и девять девочек). Я был старшим ребенком в Семействе Правой Руки и младшим из четырех сыновей. У меня есть три родные сестры: Баливе (была старшей девочкой), Нотанку и Макутсвана. Хотя старшим из сыновей моего отца был Млалва, наследником являлся Далигкили, представитель Большого Семейства, который умер в начале 1930-х годов. Все сыновья моего отца, кроме меня, к настоящему времени умерли, и каждый из них был старше меня не только по возрасту, но и по своему статусу.

Вскоре после того, как я родился, мой отец был вовлечен в спор, который лишил его должности главы деревни Мфезо. Этот конфликт выявил ту особенность его характера, которая, я полагаю, передалась и мне. Я убежден, что именно воспитание, а не природа, является основным фактором формирования личности, однако мой отец обладал таким бунтарским духом, гордостью и упрямством, таким обостренным чувством справедливости, что я невольно должен был унаследовать эти качества. Как глава деревни (или староста, как часто называли таких людей белые), мой отец был должен отчитываться за свое руководство не только перед вождем племени тембу, но и перед местным магистратом. Однажды один из подданных моего отца подал на него жалобу, касавшуюся быка, который отбил от своего владельца. Магистрат передал отцу приказание предстать перед ним. Получив повестку, отец отправил следующий ответ: «Андизи, ндисакула» («Я не приду, я готовлюсь к битве»). В те дни никто не смел бросать вызов мировым судьям, назначенным колониальными властями. Такое поведение расценивалось как верх дерзости, и в данном случае именно так оно и было.

Ответ отца свидетельствовал о его убежденности в том, что магистрат не имел над ним никакой власти. Когда дело касалось вопросов, относящихся к племени, отец руководствовался не законами короля Англии, а обычаями тембу. Его неповиновение было не приступом досады, а делом принципа. Он отстаивал свои законные права главы деревни и оспаривал полномочия магистрата в указанных вопросах.

Получив ответ моего отца, мировой судья немедленно обвинил его в неподчинении. Не последовало никакого дознания или расследования, которые были бы в обязательном порядке организованы в том случае, если дело касалось бы белых государственных служащих. Судья

просто сместил моего отца со своей должности, положив тем самым конец главенству семьи Манделы в деревне Мфезо.

В то время я не знал об этих событиях, но они, тем не менее, оказали на мою жизнь определенное влияние. Мой отец, который по меркам своего времени являлся состоятельным знатным человеком, потерял и состояние, и положение. Он лишился большей части своего стада и земель, а следовательно, и доходов. Из-за возникших у нас проблем моя мать переехала в Цгуну, немного более крупную деревню к северу от Мфезо, где она могла пользоваться поддержкой родственников и друзей. Мы стали жить с меньшей роскошью, но именно в Цгуну, расположенной близ Умтаты, я провел самые счастливые годы своего детства, о которых у меня остались наиболее ранние воспоминания.

2

Деревня Цгуну находилась в узкой, поросшей травой долине, которую пересекали чистые ручьи и над которой высились зеленые холмы. В ней проживало всего несколько сотен человек. Хижины представляли собой сооружения в форме ульев из глинобитных стен с деревянным столбом в центре, поддерживающим остроконечную травяную крышу. Полы сооружали из спрессованных муравейников. На них насыпали землю, которую утрамбовывали свежим коровьим навозом. Дым от очага выходил через крышу, и низкий дверной проем (чтобы пройти через него, надо было нагнуться) являлся единственным отверстием в жилище. Хижины, как правило, находились поблизости друг от друга, создавая своего рода жилую зону неподалеку от полей с кукурузой. Здесь не было дорог, только тропинки в траве, протоптанные босоногими детьми и женщинами, носившими в качестве одежды одеяла, выкрашенные охрой (одежда западного стиля была в деревне лишь у немногочисленных христиан). Крупный рогатый скот, овцы, козы и лошади паслись вместе на общих пастбищах. Земли вокруг Цгуну были в основном безлесными, за исключением поросшего тополями холма, возвышавшегося над деревней. Вся земля принадлежала государству. За редким исключением, африканцы в Южной Африке в то время не имели права владеть землей, они могли выступать лишь в качестве арендаторов, ежегодно выплачивавших правительству арендную плату. В деревне располагались две небольшие начальные школы, сельский магазин и водоем для скота, чтобы избавлять его от клещей и болезней.

Кукуруза (мы называем ее маисом), сорго, бобы и тыквы составляли основную часть нашего рациона – не из-за предпочтения этим продуктам, а потому, что мы просто не могли позволить себе ничего другого. Относительно состоятельные семьи в нашей деревне дополняли свой рацион чаем и кофе с сахаром, но для большинства жителей Цгуну это была экзотическая роскошь, далеко выходящая за рамки их скудных средств. Воду для земледелия, приготовления пищи, стирки, умывания и хозяйственных нужд приходилось приносить ведрами из ручьев и родников. Это была женская работа. Цгуну в целом была деревней женщин и детей: большинство мужчин большую часть года работали на отдаленных фермах или на золотых шахтах вдоль хребта Риф, который образует южную границу Йоханнесбурга. Они, как правило, возвращались в деревню два раза в год, главным образом для того, чтобы вспахать поля. Рыхление, прополка и уборка урожая были оставлены женщинам и детям. Мало кто из жителей деревни умел читать или писать, и немногие стремились получить хоть какое-то образование.

Моя мать являлась хозяйкой в трех хижинах в Цгуну, которые, насколько я помню, всегда были заполнены младенцами и детьми моих родственников. В целом, в детстве я практически никогда не оставался один. Согласно африканским традициям, сыновья и дочери чьих-либо тетя или дядей считаются родными братьями и сестрами, а не двоюродными. Мы не проводим таких различий, как это практикуют белые. У нас нет сводных братьев или сводных сестер. Сестра моей матери – это моя мать, сын моего дяди – это мой брат, а ребенок моего брата – это мой сын или моя дочь.

Из трех хижин моей матери одна использовалась для приготовления пищи, другая – для сна и третья – для хранения разных вещей. В хижине, в которой мы спали, не было мебели в западном понимании этого слова. Мы спали на циновках и сидели там просто на земле. Что существуют подушки, я узнал, лишь когда переехал к своему дяде в Мэкезвени. Моя мать готовила еду в трехногой железной кастрюле на открытом огне в центре хижины или же снаружи, рядом с жилищем. Все, что мы ели, мы выращивали или добывали сами. Моя мать сажала и затем собирала с полей маис, когда его зерна были уже твердыми и сухими. Он хранился в мешках или в специальных ямах, вырытых в земле. Для приготовления блюд из него женщины использовали различные методы. Они могли размолоть зерна между двумя камнями, чтобы

сделать хлеб, или сначала отварить маис, чтобы затем получить umphothulo (мука из маиса, которую едят с кислым молоком) или umngqusho (маисовая каша, либо как она есть, либо смешанная с бобами). В отличие от мучных продуктов, которых иногда не хватало, молока от наших коров и коз всегда было достаточно.

С раннего возраста я проводил большую часть своего свободного времени в вельде, играя или дерясь с другими мальчиками деревни. Если мальчишка оставался дома, то его считали неженкой, привязанным к переднику матери, маменькиным сынком. По ночам я делил с приятелями свою еду и одеяло. Мне было не больше пяти лет, когда я стал пастухом и присматривал за овцами и телятами. Я обнаружил почти мистическую привязанность народа коса к скоту не только как к источнику пищи и благосостояния, но и как к Божьему благословию и источнику счастья. Именно во время выпаса скота в полях я научился сбивать птиц из рогатки, собирать дикий мед, ягоды и съедобные корни, пить теплое, сладкое молоко прямо из вымени коровы, плавать в прозрачных, холодных ручьях и ловить рыбу бечевкой с заостренной проволокой. Я научился драться на палках – крайне необходимое умение для любого сельского африканского мальчика – и стал весьма искусным в технике парирования ударов, обманных выпадов, организации неотразимых атак и стремительного бегства от противника со всех ног. С этих дней я навсегда полюбил вельд, бесконечные просторы, простую красоту природы, чистую линию горизонта.

Мы, мальчишки, были полностью предоставлены самим себе. Мы играли тем, что делали сами, своими собственными руками. Мы лепили из глины различных животных и птиц, сооружали из веток дровни, в которые запрягали волов. Нашей игровой площадкой была сама природа. Холмы рядом с деревней были усеяны крутыми гладкими скалами, которые мы превращали в наши собственные американские горки. Мы усаживались на плоские камни и скользили вниз по их поверхности, пока наши ягодички не начинало саднить. Зачастую после этого мы едва могли пользоваться своим мягким местом. Я научился ездить верхом на годовалых телятах. Я смог успешно освоить это искусство, хотя в ходе обучения меня неоднократно без всякого сожаления сбрасывали наземь.

Однажды мне преподал жестокий урок непослушный осел. Мы с мальчишками по очереди взбирались на него, и, когда настала моя очередь, я вскочил ему на спину – а тот вдруг бросился в ближайший куст терновника. Осел наклонил голову, пытаясь сбросить меня, что он в конечном итоге и сделал, но прежде шипы куста в кровь расцарапали мне все лицо. Я был опозорен перед своими друзьями. Как и жители Востока, африканцы обладают обостренным чувством собственного достоинства и больше всего боятся того, что китайцы называют «потерять лицо». В тот раз я потерял лицо перед своими приятелями. Тем не менее я извлек полезный для себя урок из того прискорбного случая: я понял, что заставить человека неоправданно страдать от каких-либо жестоких обстоятельств судьбы – это значит унижить его. Даже в том юном возрасте я уяснил для себя, что можно (и следует) побеждать своих противников, не унижая их при этом.

Обычно мальчики играли только между собой, но иногда мы позволяли нашим сестрам присоединиться к нам. Мальчики и девочки играли вместе в такие игры, как ndize (прятки) и isekwa (салочки). Но больше всего мне нравилось играть с девочками в игру, которую мы называли khetha, или «выбери-кто-тебе-нравится». Это была не столько организованная игра, сколько импровизированное развлечение. Мы подходили к группе девочек нашего возраста и требовали, чтобы каждая из них публично выбрала мальчика, который ей нравится. Правила игры диктовали, чтобы выбор девочки всеми строго уважался. Как только она выбирала своего фаворита, у нее было право свободно гулять в сопровождении того счастливого мальчика, который ей нравился. Но девочки были гораздо сообразительнее нас, глупых парней, и часто, посоветовавшись между собой, они по сговору все вместе выбирали одного мальчика (обычно это был самый простецкий, ничем не выдающийся среди остальных парнишка), а затем дразнили его.

Самой популярной игрой среди мальчиков было соревнование, которое называлось «тинти». Как и большинство мальчишеских игр, оно чем-то напоминало военное сражение. Мы разбивались на две команды, брали две палки и прочно втыкали их в землю в вертикальном положении на расстоянии около ста футов друг от друга. Они играли роль мишеней. Цель игры состояла в том, чтобы каждая команда, бросая палки, сбива мишень противника. Каждый из нас защищал свою мишень и всячески мешал другой стороне забрать брошенные палки. Повзрослев, мы стали организовывать такие соревнования с ребятами из соседних деревень. Отличившиеся в этих сражениях вызывали большое восхищение у своих сверстников. Они чувствовали, словно генералы, одержавшие знаменательные победы во время войны.

После игр я возвращался в крааль своей матери, где она готовила ужин. Если отец в свое время рассказывал нам об исторических битвах и героических воинах народа коса, то мать очаровывала нас легендами, притчами и сказками народа, которые передавались из поколения в поколение. Эти истории будили мое детское воображение и, как правило, содержали какой-нибудь нравственный урок. Я вспоминаю сказку, которую рассказала нам мама, об одном путешественнике. К нему подошла старуха с ужасными катарактами глаз и обратилась с просьбой о помощи. Путешественник, однако, отвел глаза и не стал ничего делать. Тогда старуха подошла к другому мужчине и попросила его протереть ей глаза. Хотя это была неприятная задача, мужчина сделал так, как просила несчастная. После этого внезапно с глаз старухи пелена чудесным образом спала и старуха превратилась в молодую красивую девушку. Мужчина женился на ней и стал богатым и преуспевающим. Это весьма простая история, но ее суть очевидна: добродетель и великодушие будут вознаграждены способами, о которых никто заранее не может знать.

Как и все дети народа коса, я приобретал знания главным образом в результате наблюдения за окружающим миром. Нам приходилось учиться путем подражания, а не с помощью ответов на свои вопросы. Когда я впервые оказался в доме белых, я был ошеломлен количеством и характером вопросов, которые дети задавали своим родителям, и неизменной готовностью их родителей дать на них ответы. В моей семье вопросы считались досадной помехой. Взрослые сообщали нам, детям, информацию, исходя из того, что они считают нужным.

Моя жизнь, как и у большинства представителей народа коса, в то время определялась традициями, ритуалами и табу. Это было альфой и омегой нашего существования, и необходимость строго следовать им не вызывала у нас никаких сомнений. Люди шли по пути, проложенному для них их отцами; женщины вели тот же образ жизни, что и их матери. Без всяких объяснений со стороны окружающих, исключительно путем наблюдения я вскоре усвоил простые правила, которые регулировали отношения между мужчинами и женщинами. Я обнаружил, что мужчина не может входить в дом, где недавно родила женщина, и что новобрачной положено появляться в своем новом доме лишь после весьма сложной церемонии. Я также узнал, что пренебрежение памятью своих предков приносит в жизнь виновника несчастье. Если вы каким-то образом обесчестили своих предков, единственный способ искупить свою вину – это посоветоваться со знахарем или старейшиной племени, которые могут пообщаться с обиженными предками и принести им глубокие извинения. Все эти воззрения казались мне совершенно естественными.

Мальчиком я встречал в Цгуну мало белых людей. Местный магистрат, конечно же, был белым, как и ближайший к нам лавочник. Иногда через деревню проходили белые путешественники или полицейские. Они казались мне величественными, как боги. Я знал, что к ним следует относиться со смесью страха и уважения. Но их роль в моей жизни была сведена к минимуму, и я мало думал (если вообще думал) о белых людях в принципе или об отношениях между моим собственным народом и этими любопытными, но далекими от меня фигурами.

Единственным межклановым или межплеменным конфликтом в нашем маленьком мирке в Цгуну можно считать соперничество между членами клана амамфенгу, небольшое количество которых жило в нашей деревне, и другими представителями народа коса. Люди

из клана амамфенгу мигрировали на территорию современной Восточно-Капской провинции после бегства от войск вождя зулусских племен Шаки в период, известный как «Мфекане». Это было время крупных сражений в 1820–1840-е годы, вызванных возвышением Шаки и зулусского государства. В этот период воины-зулусы стремились завоевать, а затем объединить под своим военным правлением все племена Южной Африки. Представители клана амамфенгу, которые изначально не являлись носителями языка народа коса, были вынуждены выполнять работу, за которую не брался ни один другой африканец. Они, в частности, работали на фермах и предприятиях белых людей, из-за чего издавна проживавшие здесь племена народа коса смотрели на них свысока. Однако люди из клана амамфенгу отличались трудолюбием, а в результате своих контактов с европейцами они часто были более образованными и склонными к восприятию западной культуры, чем другие африканцы.

Когда я был мальчиком, клан амамфенгу являлся самой передовой частью нашей общины, его представителей можно было часто встретить среди священнослужителей, полицейских, учителей, клерков, переводчиков. Они также были одними из первых, кто принял христианство, кто стал строить более удобные жилища и использовать для ведения сельского хозяйства научные методы. Члены клана амамфенгу были богаче своих соотечественников из народа коса. Они подтвердили аксиому миссионеров о том, что быть христианином – это значит являться цивилизованным человеком, а являться цивилизованным человеком – значит быть христианином. В то время по отношению к этому клану все еще сохранялась некоторая враждебность, но, оглядываясь назад, я бы приписал это скорее зависти к успехам его представителей, чем межклановой и межплеменной вражде. Эта местная форма трайбализма, проявлению которой я стал свидетелем в детском возрасте, была относительно безвредной. На том этапе я не встречал и даже не подозревал о жестоком соперничестве племен, которое впоследствии будет поощряться белыми правителями Южной Африки.

Мой отец не разделял местных предубеждений по отношению к амамфенгу и подружился с двумя братьями из этого клана, Джорджем и Беном Мбекела. Братья выделялись в Цгуну: они отличались образованностью и были христианами. Джордж, старший из этих двоих, был учителем на пенсии, а Бен – сержантом полиции. Несмотря на стремление братьев Мбекела обратить окружающих в свою веру, мой отец оставался в стороне от христианства и сохранил веру в Камату, Бога своих отцов, великий дух народа коса. Отец считался неофициальным священнослужителем и руководил ритуальным забоем коз и телят, а также совершал местные традиционные обряды в честь посадки и сбора урожая, рождения ребенка, вступления в брак, церемонии инициации, похорон. Племенем тембу не проводилось какой-то специальной церемонии для посвящения отца в сан священнослужителя, поскольку традиционная религия народа коса характеризуется целостностью, она не делает различий между священным и мирским, между природным и сверхъестественным.

Хотя мой отец не принял веры братьев Мбекела, под ее воздействием оказалась моя мать, ставшая христианкой. Ее христианским именем стало имя Фанни, которое ей дали в церкви. Именно под влиянием братьев Мбекела я сам был крещен в методистской церкви (в то время она называлась Уэслианской церковью⁵) и направлен на учебу в методистскую начальную школу. Братья Мбекела часто видели, как я играю с другими мальчишками или пасу овец, и подходили поговорить со мной. Однажды Джордж Мбекела нанес визит моей матери и сказал ей: «Ваш сын – смысленый парнишка. Он должен ходить в школу». Моя мать промолчала. В моей семье никто никогда не посещал школы, и мать оказалась не готова к предложению Мбекелы. Однако она передала этот разговор моему отцу, который, несмотря на собственную необразованность (или же, наоборот, именно в результате этого обстоятельства), сразу же решил, что его младший сын должен ходить в школу.

---

⁵ Уэслианская церковь является протестантской христианской конфессией.

Здание школы состояло из одной комнаты с крышей в стиле западных строений и располагалось на другой стороне холма, возвышавшегося рядом с Цгуну. Мне было семь лет, и за день до начала учебы мой отец отвел меня в сторону и сказал, что я должен быть одет должным для школы образом. До этого момента у меня, как и у всех других мальчиков в деревне, было только одеяло, обернутое вокруг одного плеча и закрепленное на талии. Отец взял один из своих брюк и отрезал по колено. Он велел мне надеть их, и стало ясно, что они почти нужной длины, только слишком велики в талии. Тогда отец взял кусок веревки и затянул им обрезанные брюки на поясе. Должно быть, я представлял собой комичное зрелище, однако я никогда так не гордился ни одним своим костюмом, как обрезанными штанами своего отца.

В первый же школьный день моя учительница, мисс Мдингане, дала каждому из новых учеников английское имя и сказала, что с этого момента мы должны в школе отзываться на него. В те времена это было традицией среди африканцев и, несомненно, было связано с британским уклоном в нашем образовании. Образование, которое я получил, было британским, и оно предполагало, что британские идеи, британская культура, британские учебные заведения однозначно являются непревзойденными, лучшими. Такого понятия, как африканская культура, просто не существовало.

Африканцы моего поколения (даже сегодня) обычно имеют как африканское, так и английское имя. Белые либо не могли, либо не хотели произносить африканское имя и считали «нецивилизованным» иметь его. В тот день мисс Мдингане сказала мне, что мое новое имя – Нельсон. Почему она дала мне именно это имя, я до сих пор не имею ни малейшего понятия. Нельзя исключать, что это имело какое-то отношение к великому британскому адмиралу лорду Нельсону, но об этом можно лишь догадываться.

3

Однажды ночью, когда мне было девять лет, я почувствовал движение в доме. Приехал мой отец, который, по очереди навещая своих жен, ежемесячно бывал у нас обычно в течение недели. Однако на сей раз это было неурочное для него время, поскольку он должен был приехать к нам лишь через несколько дней. Я нашел его в хижине моей матери лежавшим на спине на полу, задыхавшимся от приступов беспрестанного кашля. Даже мне, мальчишке, стало ясно, что жить ему осталось совсем недолго. У него была какая-то болезнь легких, но точного диагноза не было известно, поскольку отец никогда не посещал врача. Он оставался в хижине еще несколько дней, не двигаясь и не произнося ни слова. За ним присматривали моя мать и его младшая жена Нодаимани, которая приехала погостить к нам. Однажды ночью ему стало хуже, и он, позвав Нодаимани, велел ей принести ему табак. Моя мать и Нодаимани посоветовались и решили, что в его нынешнем состоянии это было бы крайне неразумно. Однако отец настойчиво требовал этого, и в конце концов Нодаимани набила его трубку табаком, раскурила ее и передала ему. Отец начал курить и успокоился. Он продолжал курить, наверное, где-то около часа, а затем умер, все еще держа в руке зажженную трубку.

Сколько себя помню, я еще никогда не испытывал столько горя, еще никогда не чувствовал себя настолько брошенным на произвол судьбы. Хотя центром моего существования была моя мать, я определял и осознавал себя через своего отца. Его смерть изменила всю мою жизнь. В то время я даже не мог осознать масштаба предстоявших мне перемен. После короткого периода траура мать сообщила мне, что я покидаю Цгуну. Я не стал интересоваться, по какой причине и куда я отправляюсь.

Я собрал те немногие вещи, которые у меня были, и однажды рано утром мы отправились на запад, к моему новому месту жительства. Я горевал не столько об отце, сколько о том мире, который оставлял. Цгуну – это было все, что я пока знал, и я любил это место безоговорочно, безоглядно, как ребенок любит свой первый дом. Прежде чем моя деревня скрылась за холмами, я повернулся и посмотрел в ее сторону, как мне казалось, в последний раз. Я мог видеть простые хижины и людей, занятых своими делами; ручей, где я плескался и играл с другими мальчиками; маисовые поля и зеленые пастбища, где лениво паслись стада и отары. Я представил себе, как мои друзья охотятся на мелких птиц, пьют сладкое молоко из коровьего вымени, резвятся в пруду в устье ручья. Мой взгляд задержался на трех хижинах, где я наслаждался любовью и защитой своей матери. Именно они ассоциировались у меня с ощущением счастья, с самой жизнью. Я остро сожалел о том, что не поцеловал каждую из них перед своим уходом. Я не мог себе представить, что будущее, к которому я сейчас направлялся, могло хоть как-то сравниться с прошлым, которое я оставлял.

Мы шли пешком и в полной тишине, пока солнце медленно не опустилось за горизонт. Но молчание между матерью и ребенком не прерывает их сердечных отношений и не означает их одиночества. Мы с мамой никогда особо не разговаривали, но в этом и не было необходимости. Я никогда не сомневался в ее любви и поддержке.

Наш утомительный путь по каменистой холмистой дороге, пролегавшей в пыли и грязи мимо многочисленных деревень, завершился ближе к вечеру, в небольшой долине, окруженной деревьями. В центре расположенной там деревни находилось большое и уютное поместье. Мне оставалось только удивляться представшей мне картине, поскольку раньше я ничего подобного в своей жизни не видел. Поместье состояло из двух «иингсанде» (прямоугольных домов) и семи величественных «рондавелей» (традиционных круглых хижин), выбеленных известью, ослепительной в лучах заходящего солнца. Рядом был разбит большой палисадник. Находившееся неподалеку кукурузное поле окружали персиковые деревья. За домами раскинулся большой

сад, в котором росли яблони и разные овощи, а также были полосами высажены цветы и акации. Рядом стояла белая оштукатуренная церковь.

В тени двух эвкалиптов, которые украшали вход в главное здание, сидела группа примерно из двадцати старейшин племени. Вокруг поместья, наслаждаясь сочной травой, паслось стадо по меньшей мере из пятидесяти голов крупного рогатого скота и пятисот овец. Все было прекрасно ухожено. Представшая передо мной картина богатства и порядка просто поразила мое воображение. Это был Мэкезвени (в переводе с языка народа коса – «замечательное место»), временная столица Тембуленда, резиденция вождя Джонгинтабы Далиндьебо, исполнявшего обязанности регента племени тембу.

Пока я в немом восторге созерцал все это великолепие, через западные ворота прогрохотал огромный автомобиль, и люди, сидевшие в тени эвкалиптов, немедленно оживились. Сняв шляпы, они вскочили на ноги с криком: «Байетэ а-а-а, Джонгинтаба!» («Приветствую, Джонгинтаба!») – традиционное приветствие народа коса своему вождю. Из машины (позже я узнал, что этим величественным автомобилем был «Форд V-8») вышел невысокий коренастый мужчина в элегантном костюме. Сама его осанка, походка, другие признаки выдавали в нем уверенного в себе человека, привыкшего к проявлению власти. Его имя ему подходило, поскольку Джонгинтаба в буквальном переводе означает «тот, кто смотрит на гору». Он был сильным человеком, на которого смотрели все глаза. У него была смуглая кожа и умное лицо. Он принялся небрежно пожимать руки мужчинам под эвкалиптами, которые, как мне стал позже известно, составляли высший суд правосудия племени тембу. Это был регент, которому предстояло стать моим опекуном, покровителем и меценатом на ближайшее десятилетие.

В тот момент, когда я лицезрел Джонгинтабу и его ближайшее окружение, я почувствовал себя молодым деревцем, вырванным с корнем из земли и брошенным в середину сильного потока, чьему стремительному течению я не мог сопротивляться. Я испытал чувство благоговения, смешанное со смятением. До сих пор у меня не было помыслов ни о чем, кроме собственных удовольствий, не было более высоких амбиций, чем хорошо поесть и стать чемпионом в драке на палках. Я не думал ни о деньгах, ни о титулах, ни о славе, ни о власти. И внезапно передо мной открылся новый мир. Дети из бедных семей часто оказываются обманутыми множеством новых искушений, когда неожиданно для себя сталкиваются с огромным богатством. Я не был исключением из этого правила. Я почувствовал, как многие из моих устоявшихся убеждений и привязанностей стали ослабевать. Хрупкий фундамент, созданный моими родителями, начал сотрясаться. В это мгновение я увидел, что в этой жизни могу стать кем-то больше, чем чемпионом в драке на палках.

* * *

Позже я узнал, что после смерти моего отца Джонгинтаба сам выступил с предложением стать моим опекуном. Он брал на себя обязательства относиться ко мне так же, как к другим своим детям, и обеспечить мне те же льготы, что и у них. У моей матери не было выбора; вряд ли кто-либо мог отказаться от такой инициативы регента. Она была довольна этой ситуацией, поскольку понимала, что, хотя и будет скучать по мне, под опекой регента я получу воспитание гораздо лучше, чем под ее присмотром. Регент не забыл, что именно благодаря вмешательству моего отца он стал исполняющим обязанности верховного вождя.

Моя мать оставалась в Мэкезвени еще день или два, прежде чем вернуться в Цгуну. Наше расставание прошло без лишней суеты. Мама не произносила проповедей, не обращалась к мудрым притчам, не осыпала меня поцелуями. Я подозреваю, что она не хотела, чтобы я чувствовал себя опустошенным при ее отъезде. Скорее всего, все так и было на самом деле. Я знал: мой отец хотел, чтобы я получил образование и был подготовлен к жизни в большом мире, а в Цгуну я был лишен такой возможности. Нежный взгляд моей матери выражал любовь и под-

держку, в которых я нуждался, и, уходя, она повернулась ко мне и сказала: «Укинисуфокото, Кведини!» («Крепись, мой мальчик!») Дети зачастую проявляют себя как совершенно несентиментальные существа, особенно если они поглощены какими-то новыми удовольствиями. В то время как уезжала моя дорогая мама, которая являлась моим первым другом, у меня голова шла кругом от восторгов по поводу моего нового дома. Зачем же мне было крепиться? На мне уже красовался новый шикарный наряд, купленный моим опекуном.

Я быстро влился в повседневную жизнь Мэкезвени. Ребенок быстро приспосабливается либо совсем не приспосабливается к новому месту – и я, оказавшись в Замечательном Месте, очень скоро стал вести себя здесь так, словно в нем родился и вырос. Для меня Мэкезвени представлялось сказочным королевством, в котором все было просто восхитительно. Домашние дела, которые в Цгуну были утомительными, здесь превратились в увлекательное приключение. Закончив занятия в школе, я превращался в умелого пахаря, возницу, пастуха. Я скакал на лошадях и стрелял из рогаток по птицам, без труда находил мальчишек для различных турниров, порой целыми вечерами танцевал под прекрасное пение девушек племени тембу. Хотя я скучал по Цгуну и своей матери, новый мир полностью поглотил меня.

Я посещал однокомнатную школу по соседству с поместьем вождя, где обучался английскому языку, языку народа коса, истории и географии. Мы штудировали «Книгу для чтения по-английски» Чемберса и выполняли свои задания на черных грифельных досках. Наши учителя, мистер Фадана, а позже мистер Гиква, проявили ко мне особый интерес. Я хорошо учился не столько благодаря своему уму, сколько благодаря упорству. Мою самодисциплину контролировала моя тетя Фативе, которая жила в Замечательном Месте и каждый вечер тщательно проверяла мои домашние задания.

Мэкезвени являлся объектом миссионерских усилий методистской церкви и в связи с этим был гораздо более современным и европеизированным поселением, чем Цгуну. Его жители носили европейскую одежду. Мужчины были одеты в костюмы, женщины придерживались строгого протестантского стиля, рекомендованного миссионерами: толстые длинные юбки и блузки с высоким воротом в сочетании с одеялом, накинутым на плечо, и косынкой, элегантно обернутой вокруг головы.

Если мир Мэкезвени вращался вокруг регента, то мой маленький мир – вокруг двух его детей. Джастис, старший, был его единственным сыном и наследником Замечательного Места, дочь регента звали Номафу. Я жил вместе с ними, и со мной обращались точно так же, как и с ними. Мы ели одну и ту же пищу, носили одну и ту же одежду, выполняли одни и те же обязанности по дому. Позже к нам присоединился Нсеко, старший брат Сабаты, наследника должности вождя. Мы вчетвером образовали династический квартет. Регент и его жена Но-Инглэнд воспитывали меня так, словно я был их собственным ребенком. Они искренне беспокоились обо мне, руководили мной, при необходимости наказывали меня – и делали все это в духе любви и справедливости. Джонгинтаба был строг, но у меня никогда не возникало поводов усомниться в его любви. Они называли меня ласкательным именем Татомкхулу, что означает «дедушка», потому что, как они объясняли, когда я был слишком серьезен, то становился похож на старика.

Джастис был на четыре года старше меня и стал моим героем и примером для подражания (не считая моего отца). Я уважал его во всех отношениях. Он уже посещал Кларкбери, методистскую среднюю школу-интернат примерно в шестидесяти милях от Мэкезвени. Высокий, крепкий и мускулистый, он был прекрасным спортсменом, добивался заметных успехов в легкой атлетике, крикете, регби и футболе. Жизнерадостный и общительный, он обладал природными актерскими данными. Он очаровывал зрителей своим пением и завораживал их своими бальными танцами. У него была толпа поклонниц, но также и масса критиков, которые считали его денди и повесой. Мы с Джастисом стали лучшими друзьями, хотя во многом явля-

лись полными противоположностями: если он был экстравертом, то я – интровертом, если он отличался беззаботностью, то я предпочитал быть серьезным. Ему все давалось с необычайной легкостью, мне же приходилось неустанно трудиться, чтобы добиться каких-либо успехов. Для меня он являлся воплощением того, кем должен быть молодой человек, и тем идеалом, к которому я сам стремился. Хотя к нам относились одинаково, наши судьбы оказались разными: Джастис унаследует должность вождя могущественного племени тембу, в то время как я унаследую то, что регент в своей щедрости решит предоставить мне.

Каждый день я выполнял различные поручения по дому. Из всех обязанностей, которые я выполнял лично для регента, мне больше всего нравилось гладить его костюмы. Я очень гордился этой работой. У него было полдюжины костюмов европейского стиля, и я порой в течение нескольких часов усердно разглаживал складки на его брюках.

Как я уже упомянул, поместье регента состояло в том числе из двух больших домов в западном стиле с железными крышами (главного дома и *уксанде*, среднего дома). В те дни очень немногие из африканцев могли позволить себе дом в западном стиле, наличие которого считалось признаком настоящего богатства. Вокруг каждого из этих двух домов полукругом стояло по три рондавели, в которых были деревянные половицы, чего я никогда раньше не видел. Регент и его жена спали в правом рондавеле главного дома, сестра жены регента – в центральном, а левая хижина служила кладовой. Под половицами центральной хижины был улей, и мы иногда, приподняв их, лакомились медом. Вскоре после того, как я появился в Мэкезвени, регент и его жена переехали в *уксанде*, средний дом, который с этого момента автоматически стал главным домом. Три небольших рондавели вокруг него были распределены следующим образом: один для матери регента, другой – для посетителей, третий предназначался для Джастиса и меня.

Моя жизнь в Мэкезвени строилась на двух основных принципах: власть вождя и церковь. Эти две доктрины существовали в непростой гармонии, хотя в то время я не усматривал какого-либо антагонизма между ними. Для меня христианство представлялось не столько системой веры, сколько могущественным вероучением одного человека – преподобного Матиоло. Для меня его могущественное существование воплощало все, что было заманчивого в христианстве. Он пользовался такой же популярностью и любовью окружающих, как и регент, и тот факт, что он оказался выше регента в духовных вопросах, произвел на меня сильное впечатление. Однако церковь была в равной степени озабочена как духовными вопросами, так и вполне материальными. Как я убедился, практически все достижения африканцев были обеспечены ими благодаря миссионерской работе церкви. В миссионерских школах готовили клерков, переводчиков – именно эти профессии в то время представляли собой вершину африканских устремлений.

Преподобный Матиоло был плотным мужчиной лет пятидесяти пяти, с глубоким и сильным голосом, который подходил как для проповеди, так и для песнопений. Когда он проповедовал в простой церкви в западной части Мэкезвени, она всегда была полна людей. Когда женщины преклоняли колени у ног преподобного Матиоло, моля о спасении, помещение церкви наполнялось осаннами верующих. Первое, что я услышал о преподобном, появившись в Замечательном Месте, была история о том, как он прогнал опасного призрака, вооружившись лишь Библией и лампадой. Я не усмотрел в этой истории какого-либо неправдоподобия или противоречия. Методизм, который проповедовал преподобный Матиоло, представлял собой смесь огня и серы, приправленную небольшим количеством африканского анимизма⁶. Согласно проповедям преподобного Матиоло, Господь мудр и всемогущ, но Ему также присуща и мстительность, и Он не оставляет безнаказанным ни одного дурного поступка.

---

⁶ Анимизм – вера в существование души и духов, в одушевленность всей природы.

В Цгуну я посетил церковь единственный раз в тот день, когда меня крестили. Это был ритуал, в котором я принял участие ради своей матери и которому я не придавал никакого значения. Но в Мэкезвени религия была частью жизни, и я посещал церковь каждое воскресенье вместе с регентом и его женой. Регент очень серьезно относился к этому вопросу. Я единственный раз уклонился от воскресной службы, спрятавшись от всех, чтобы затем принять участие в драке с мальчишками из другой деревни. Больше я таких проступков никогда не совершал.

Однако за мной водились и другие грехи, достойные осуждения преподобного. Однажды днем я прокрался в сад Матиоло и украл немного маиса, который поджарил и съел прямо на месте преступления. За этим деянием меня застала одна молодая девушка, которая незамедлительно сообщила об этом священнослужителю. Новость быстро облетела всю округу и дошла до жены регента. В тот же вечер она дождалась времени молитвы (это был ежедневный ритуал в доме регента) и, представ передо мной, упрекнула меня в том, что я отнял хлеб у бедного слуги Божьего и тем самым опозорил семью. Она заявила, что дьявол непременно накажет меня за мой грех. Я испытывал малоприятную смесь страха и стыда: страха от того, что получу возмездие космических масштабов, и стыда за то, что злоупотребил доверием своей приемной семьи.

Видя всеобщее уважение, которым пользовался регент (как со стороны черных, так и белых), и власть, которой он обладал и которая казалась практически неограниченной, я пришел к убеждению, что власть вождя – это тот самый центр, вокруг которого вращается жизнь. Власть и безмерное влияние вождя на окружающих пронизывали все аспекты нашей жизни в Мэкезвени и выступали в качестве верного средства, с помощью которого можно было наверняка добиться любого результата и любого статуса.

На мои более глубокие представления о природе лидерства оказало дальнейшее наблюдение за регентом и его двором. Я набирался опыта и знаний на собраниях племени, которые регулярно проводились в Замечательном Месте. Они не были запланированы в соответствии с каким-то строгим графиком, но созывались по мере необходимости и проводились для обсуждения вопросов, касавшихся всего племени, таких как засуха, забой скота, масштабные предписания магистрата или новые законы, изданные колониальными властями. На собраниях могли присутствовать любые члены племени тембу – и очень многие, действительно, приезжали на эти мероприятия верхом или же приходили пешком.

В этих случаях при регенте находилась его *амафакати*, группа советников высокого ранга, которая выполняла функции парламента и судебной власти одновременно. Эти советники были зрелыми, мудрыми людьми, которые сохранили знания истории и обычаев племени и чье мнение имело большой вес.

Регент направлял советникам, а также местным вождям, старостам и прочим послания, уведомляющие о предстоящем собрании, и вскоре Замечательное Место наполнялось важными посетителями и рядовыми представителями племени, прибывавшими со всего Тембуленда. Гости собирались во дворе перед главным домом регента, и он открывал собрание, поблагодарив всех за то, что они прибыли, и объяснив, зачем он их вызвал. С этого момента он больше не произнесет ни слова, пока собрание не подойдет к концу.

После этого высказывались все желающие. Это была демократия в чистом виде. Возможно, среди выступавших и существовала какая-то иерархия, но в конечном итоге возможность высказать свое мнение предоставлялась всем: местным вождям и их подданным, воинам и знахарям, торговцам и фермерам, землевладельцам и рабочим. Люди говорили без перерыва, и такие собрания могли длиться несколько часов подряд. В данном случае проявлялись важные принципы самоуправления: первое – каждый был волен высказать свое мнение, второе – все были равны в своей значимости как граждане. (Небольшая оговорка: боюсь лишь, что женщины считались гражданами второго сорта.)

Во время проведения собрания организовывался большой банкет, и я часто получал расстройство желудка, слишком много поедая в ходе выступления ораторов. Я отмечал для себя разницу в выступлениях: некоторые ораторы говорили бессвязно и, казалось, никак не могли добраться до сути вопроса, другие же сразу начинали с существа обсуждаемой проблемы и приводили аргументы кратко и убедительно. Одни выступавшие использовали эмоции и не стеснялись прибегать к драматизму, чтобы таким образом расшевелить аудиторию, а другие ораторы всячески избегали эмоций и в своих выступлениях были спокойны, рассудительны и уравновешены.

Оказавшись впервые на таких собраниях, я был поражен горячностью и прямоотой, с которой некоторые выступавшие критиковали регента. Он не был выше критики, напротив, зачастую он являлся ее главной мишенью. Но каким бы вопиющим ни было обвинение в его адрес, регент спокойно выслушивал его, не защищаясь и не выказывая никаких эмоций.

Собрания продолжались до тех пор, пока не достигался какой-либо консенсус. Они заканчивались либо единогласным утверждением согласованного решения, либо вообще безрезультатно. Единодушие, однако, могло заключаться в соглашении об отсутствии полного согласия, о готовности подождать более благоприятного времени, чтобы предложить новое решение. Демократия означала, что каждый должен был быть услышан, и конечное решение принималось только совместно, отражая волю всего племени. Правило большинства на этих собраниях было чуждым понятием. Мнение меньшинства не должно было быть раздавлено мнением большинства.

Только в конце собрания, когда зачастую солнце уже садилось, с речью мог выступить регент. Цель его обращения к собравшимся состояла в том, чтобы подвести итог всему сказанному и попытаться выработать некоторый консенсус на основе различных мнений. Но тем, кто не был согласен, не навязывалось никакого решения. Если не удавалось достичь какого-либо соглашения, планировалось проведение еще одного собрания. По завершении собрания представитель *амафакати*, признанный певец или поэт произносил панегирик древним вождям и похвалу (в сочетании с сатирой) в адрес нынешних, а аудитория, возглавляемая регентом, ревела от смеха.

Как руководитель, я всегда старался следовать принципам, на основе которых регент организовывал собрания племени в Замечательном Месте. Я взял за правило всегда выслушать каждого участника дискуссии, прежде чем высказать свое собственное мнение. Часто мое собственное мнение представляло собой консенсус с учетом того, что я услышал при обсуждении того или иного вопроса. Я всегда помнил концепцию регента: по его утверждению, настоящий руководитель подобен пастуху. Он всегда остается позади стада, позволяя самым проворным идти впереди, за которыми следуют и все остальные, не понимая, что все это время ими руководит тот, кто идет сзади.

Именно в Мэкезвени у меня развился интерес к истории Африки. До сих пор мне доводилось слышать только о героях народа коса, но в Замечательном Месте я узнал и о других африканских героях, таких как Сехухуне, короле народа бапеди, Мошоешо, короле народа басото, Дингаане, верховном правителе зулусов, а также о вожде одного из зулусского кланов Бамбате, короле народа амахоса Хинце, вожде народа коса Макане, вожде племени ролонг Монтшиве, верховном вожде племени бамангвато Кгаме. Я узнал о них от местных вождей и старост, которые приезжали в Замечательное Место, чтобы уладить споры и рассмотреть различные сложные дела. Хотя приезжавшие и не были юристами, они представляли эти дела на рассмотрение и выносили по ним то или иное решение. Иногда они завершали рассмотрение дел раньше обычного и тогда оставались на некоторое время, рассказывая различные истории. В таких случаях я молча внимал им. Порой они говорили на диалекте, который я раньше никогда не

слышал. Их речь была строгой и возвышенной, манеры – медлительными и неторопливыми, а щелчки, традиционно используемые в нашем языке, – длинными и драматичными.

Сначала они прогоняли меня под тем предлогом, что я слишком молод, чтобы слушать их. Затем они стали подзывать меня с пожеланиями, чтобы я принес им огня или воды или чтобы передал женщинам, что они хотят чаю. В первые месяцы я был слишком занят, выполняя поручения, чтобы следить за их разговором. Но в конце концов они позволили мне оставаться с ними, и передо мной развернулась история борьбы великих африканских патриотов против западного господства. Мое воображение воспламенилось славой этих африканских воинов.

Самым старым из местных вождей, который потчевал собравшихся старейшин древними сказаниями, был Звелибхангиле Джойи, сын Великого Дома верховного вождя Нгубенгкуки. Вождь Джойи был так стар, что его морщинистая кожа висела на нем, как свободное пальто. Его рассказы разворачивались крайне неторопливо и часто прерывались сильным хриплым кашлем, который вынуждал рассказчика каждый раз прерываться на несколько минут. Вождь Джойи был большим авторитетом в племени тембу во многом потому, что лично участвовал в тех событиях, с которыми он знакомил своих слушателей.

Но как бы ни был вождь Джойи убелен сединами, с него слетали целые десятилетия, когда он рассказывал о молодых «импис», воинах в армии короля Нгангелизве, сражавшихся с британцами. Представляя действующих лиц в живописной пантомиме, вождь Джойи ловко ползал по вельду и бросал свое копье, вспоминая о победах и поражениях того времени. В его историях перед нами явственно представляли героизм, великодушие и смирение короля Нгангелизве.

Не все истории вождя Джойи касались племени тембу. Когда он впервые заговорил о воинах не из народа коса, я очень удивился этому. Я был похож на мальчишку, который поклоняется местному футбольному герою и не интересуется звездой национального футбола, всех масштабов которой ему не дано понять. Только позже я осознал весь спектр африканской истории и значимость деятельности всех африканских героев независимо от племени, к которому они принадлежали.

Вождь Джойи высказывался против политики белых, которые, по его мнению, намеренно разделили народ коса, «отделив брата от брата». Согласно его описанию, белые заверили племя тембу, что их истинным вождем является великая белая королева за океаном и что они – ее подданные. Но белая королева не принесла чернокожим ничего, кроме страданий и несчастий, и если она и являлась вождем, то была злым вождем. Военные истории вождя Джойи и его обвинения в адрес британцев заставили меня почувствовать себя обманутым и обозленным, как будто у меня отняли мое право по рождению.

Согласно рассказам вождя Джойи, африканский народ жил в относительном мире до прихода *абелунгу*, белых людей, которые появились из-за моря с огнедышащим оружием. Раньше племена тембу, мпондо, коса и зулу были детьми одного отца и жили как братья. Белые люди разрушили *абанту*, братство различных племен. Белые люди проявляли алчность, они стремились захватить земли, на которые пришли. Черные люди делили с ними землю, как они делили воздух и воду, ведь и воздух, и вода, и земля не принадлежат человеку. Но белые люди захватили землю, как можно захватить и присвоить себе чужую лошадь.

Я еще не знал, что настоящую историю нашей страны нельзя было найти в стандартных британских учебниках, в которых утверждалось, что история Южной Африки началась с высадки Яна ван Рибека на мысе Доброй Надежды в 1652 году. Именно от вождя Джойи я узнал, что история народов, говорящих на банту, началась далеко на севере, в стране озер, зеленых равнин и долин. На протяжении тысячелетий эти народы постепенно мигрировали к южной оконечности Африканского континента. Однако несколько позже я обнаружил, что сведения вождя Джойи об истории Африки, особенно после 1652 года, не всегда были достоверными.

Не могу сказать, что в Мэкезвени я чувствовал себя похожим на пресловутого деревенского парня, который оказался в большом городе, хотя, безусловно, он был гораздо более современным, чем Цгуну, жители которого, по мнению уроженцев Мэкезвени, считались отсталыми. Регент не хотел, чтобы я посещал Цгуну, опасаясь, что я могу попасть в своей старой деревне в плохую компанию и деградировать. Когда я все-таки навестил ее, то почувствовал, что моя мать была должным образом проинструктирована регентом, потому что она подробно расспрашивала меня о том, с кем из своих прежних приятелей я общался и играл во время этого визита. Однако в большинстве случаев регент устраивал так, чтобы мою мать и сестер время от времени доставляли ко мне в Замечательное Место.

Когда я впервые приехал в Мэкезвени, некоторые из моих сверстников здесь считали меня безнадежной деревенщиной, абсолютно не приспособленной к жизни в привилегированной обстановке Замечательного Места. Я же, как и подобает молодым людям, изо всех сил старался казаться утонченным и учтивым.

Однажды в церкви я заметил прелестную девушку, которая оказалась одной из дочерей преподобного Матиоло. Ее звали Винни. Я пригласил ее на свидание, и она согласилась. Я ей тоже понравился, но ее старшая сестра Номампондо считала меня безнадежно отсталым. Она сказала Винни, что я варвар, который недостаточно хорош для дочери преподобного Матиоло. Чтобы доказать своей младшей сестре, насколько я нецивилизован, она пригласила меня на обед в дом священнослужителя.

Дома я привык есть, не пользуясь ножом и вилкой, что чуть не подвело меня. За обедом у преподобного Матиоло эта вредная старшая сестра злорадно протянула мне тарелку с куриным крылышком. Крыло было немного жестковатым, поэтому мясо не так легко отделялось от кости. Я понаблюдал за тем, как другие пользуются ножами и вилками (делали они это с завидной легкостью), медленно взял свои приборы и попытался справиться со своей порцией. Сначала я просто передвигал крылышко по тарелке, надеясь, что мякоть сама отвалится от кости. Затем я тщетно попытался прижать эту штуку к тарелке и разрезать ее, но она всякий раз ускользала от меня. В конечном итоге, совершенно измучившись, я в отчаянии громко звякнул ножом по тарелке несколько раз подряд. После этого я заметил, что старшая сестра торжествующе улыбалась, глядя попеременно то на меня, то на Винни. Она словно хотела сказать: «Ведь я же тебе говорила!» Я в результате неравной борьбы с крылышком весь взмок, однако не хотел признавать поражение и разделять эту адскую штуку руками. В тот день за обедом мне так и не удалось досыта наесться курицей.

Позже старшая сестра сказала младшей: «Ты потратишь всю свою жизнь впустую, если влюбишься в такого отсталого мальчишку!» Однако, к моему счастью, юная леди не послушалась ее и продолжала оказывать мне знаки внимания, несмотря на всю мою отсталость.

В конечном итоге у нас с Винни сложились разные судьбы, и мы отделились друг от друга. Она училась в другой школе и в последующем стала учителем. Мы несколько лет переписывались, а потом я потерял ее из виду. Но к тому времени я уже значительно расширил свои знания и практику столового этикета.

4

Когда мне исполнилось шестнадцать лет, регент решил, что мне пора стать мужчиной. В рамках традиций народа коса это достигается только одним способом – обрезанием. Согласно обычаям коса, необрезанный юноша не может считаться наследником достояния и имущества своего отца, не может жениться или участвовать в ритуалах своего племени. Необрезанный мужчина, по традициям коса, это вообще противоречие в понятиях и терминах, поскольку представитель мужского пола в этом случае считается не мужчиной, а мальчиком. Для народа коса обрезание представляет собой официальное включение юноши в мужское сообщество. Это не просто формальная хирургическая процедура, а длительный и сложный ритуал подготовки к взрослению. Как представитель народа коса, я веду отсчет своей жизни в качестве мужчины со дня обрезания.

Традиционная церемония обрезания в рамках ритуальной школы обрезания была организована главным образом ради Джастиса. Все остальные (всего двадцать шесть мальчишек) приняли в ней участие в основном для того, чтобы составить ему компанию. В начале нового года мы отправились к двум травяным хижинам в уединенной долине Тихаларха на берегу реки Мбаше, традиционному месту обрезания для вождей племени тембу. В этих хижинах нам предстояло прожить некоторое время изолированно от всех. Это было священное время. Я чувствовал себя счастливым, принимая участие в обычаях своего народа, готовым совершить переход от детства к зрелости.

Мы приехали в Тихаларху за несколько дней до самой церемонии обрезания. Эти последние несколько дней детства я провел с другими посвящаемыми, и мне понравилось это товарищество. Хижины находились недалеко от дома Банабахе Блейи, самого состоятельного и практически всем в округе известного парнишки из состава ритуальной школы обрезания. Он был энергичным юношей, чемпионом по драке на палках и гламурным парнем, чьи многочисленные подружки снабжали всех нас различными деликатесами. Хотя он не умел ни читать, ни писать, он был одним из самых смысленных среди нас.

Он постоянно потчевал нас рассказами о своих поездках в Йоханнесбург, где никто из нас раньше никогда не бывал.

Банабахе так воодушевил нас рассказами о шахтах, что почти убедил меня в том, что стать шахтером – это более заманчивая перспектива, чем стать вождем племени. По его утверждению, каждого шахтера окружает ореол таинственности, шахтером может быть только сильный и смелый, и вообще, шахтер – это идеал мужественности. Гораздо позже я понял, что именно такие приукрашенные рассказы о шахтерах, которые выдумывали мальчишки наподобие Банабахе, являлись причиной того, что многие молодые люди устремились работать на шахты Йоханнесбурга, где они часто теряли здоровье и саму жизнь. В те дни оформление на работу в шахтах считалось почти таким же обрядом посвящения, как и ритуал обрезания. Это был миф, который больше помогал владельцам шахт (и который активно поддерживался ими), чем моему народу.

Один из обычаев ритуальной школы обрезания заключается в том, что перед церемонией посвящаемый должен совершить какой-либо смелый поступок, по возможности подвиг. В былые времена под этим понималось участие юноши в угоне скота или даже в битве, но в наше время требовалось совершить что-то скорее из разряда озорного, чем воинственного. Обсудив все возможные варианты, за два дня до приезда в Тихаларху мы решили украсть свинью. В Мэкезвени жил один наш соплеменник со старой свиньей, отличавшейся весьма злым нравом. Чтобы избежать шума и не привлечь его внимания, мы устроили все таким образом, чтобы свинья сама, по своей воле оказалась в наших руках. Мы добыли осадок африканского домашнего пива, который имеет сильный запах, очень любимый свиньями, и выплеснули его

на землю с подветренной от свиньи стороны. Животное пришло от запаха в такое возбуждение, что немедленно вышло из крааля, проследовало к нам и с громким фырканием принялось поедать осадок пива. Нам оставались лишь изловить бедную свинью и зарезать ее. Затем мы развели костер и съели жареную свинину, любуясь яркими звездами. Ни один кусок свинины никогда не казался мне таким вкусным ни до этой ночи, ни после.

В ночь перед обрезанием возле наших хижин состоялась праздничная церемония с песнями и танцами. Из близлежащих деревень пришли женщины, и мы танцевали под их пение и рукоплескания. По мере того как музыка становилась все быстрее и громче, наш танец становился все более неистовым, и мы на какое-то время даже забыли, что нам, посвящаемым, предстоит.

На рассвете, когда звезды еще были на небе, мы начали наши приготовления. Нас сопровождали к реке, чтобы мы искупались в ее холодных водах – этот ритуал означал наше очищение перед церемонией. Сама церемония состоялась в полдень, и нам было велено встать в ряд на поляне на некотором расстоянии от реки, где собралась толпа родителей и родственников, включая регента, а также группа местных вождей, их советников и старост. Мы были одеты только в наши одеяла, и, когда церемония началась под бой барабанов, нам велели сесть на свое одеяло на земле, вытянув ноги перед собой. Я чувствовал напряжение и тревогу, не зная, как буду реагировать, когда наступит критический момент. Дрожь телом или крик воспринимались как признак слабости и роняли мужское достоинство. Считалось, что мужчина должен страдать молча. Я был полон решимости не опозорить себя, своих друзей и своего опекуна. Обрезание – это испытание твоей храбрости и стоицизма. Какое-либо обезболивающее при этом не используется.

Справа краем глаза я увидел худого старика, вышедшего из палатки и опустившегося на колени перед первым мальчиком. В толпе почувствовалось волнение, и я слегка вздрогнул, поняв, что ритуал вот-вот начнется. Старик был известным *ингчиби*, специалистом по обрезанию, из Галекаленда, который использовал свой *ассегай*⁷, чтобы одним ударом превратить нас из мальчиков в мужчин.

Внезапно я услышал, как первый мальчик закричал: «Ндийиндода!» («Я – мужчина!») Именно это нас учили произнести в момент обрезания. Секундой позже я услышал, как сдавленный голос Джастиса произнес ту же фразу. Теперь передо мной и *ингчиби* оставалось только два мальчика, и мой разум, должно быть, на несколько мгновений отключился, потому что прежде, чем я это осознал, старик опустил передо мной на колени. Я посмотрел ему прямо в глаза. Он был бледен, и, хотя день был прохладным, его лицо блестело от пота. Его руки двигались так стремительно, что казалось, будто ими управляет потусторонняя сила. Не говоря ни слова, он взял мою крайнюю плоть, потянул ее вперед, а затем одним резким движением опустил свой *ассегай*. Я почувствовал, как огонь пробежал по моим венам. Боль была настолько сильной, что я уткнулся подбородком в грудь. Казалось, пронеслось множество секунд, прежде чем я вспомнил о крике. Я наконец пришел в себя и выкрикнул: «Ндийиндода!»

Затем я посмотрел вниз и увидел идеальный разрез, чистый и круглый, как кольцо. Мне, однако, было стыдно, потому что другие мальчики казались намного сильнее и храбрее меня: ведь они крикнули быстрее, чем я. Меня не оставляла мысль, что боль, пусть и ненадолго, но все же смогла завладеть мной, и это меня огорчало. Я делал все возможное, чтобы скрыть свои душевные и физические муки. Мальчик еще может плакать, мужчина же должен скрывать свою боль.

Теперь я сделал важный шаг, обязательный в жизни каждого мужчины народа коса. Теперь я имел право жениться, построить свой собственный дом и возделывать свое собственное поле. Теперь я мог быть допущен в различные советы общины, и мои слова отныне

---

⁷ Ассегай – разновидность копья длиной около 2 м.

должны восприниматься членами общины всерьез. После завершения церемонии мне по обычаю обряда посвящения дали имя обрезания Далибунга, что означает «основатель Бунга», традиционного правящего органа Транскея. Для приверженцев традиций народа коса это имя более приемлемо, чем любое из двух уже имевшихся у меня имен, Ролилахла и Нельсон. Я был горд услышать, как звучит мое новое имя – Далибунга.

Сразу после нанесения удара ассегам помощник *ингчиби*, который следовал за ним, подхватывал отсеченную крайнюю плоть, оставшуюся лежать на земле, и привязывал ее к углу одеяла посвященного юноши (ставшего мужчиной). Затем рана перевязывалась целебным растением, листья которого были колючими снаружи, но гладкими внутри. Оно впитывало кровь и другие выделения.

По окончании церемонии мы вернулись в наши хижины, где горел костер из влажных дров с сильными клубами дыма (считалось, что это должно было способствовать нашему скорейшему исцелению). Нам было велено лечь в продымленных хижинах на спину и одну ногу вытянуть, а другую согнуть в колене. Теперь мы являлись *абахвета*, посвященными в мир мужественности. За нами присматривал *амаханката*, или опекун, который объяснил нам правила, которым мы должны были следовать, чтобы должным образом стать взрослыми. Его первой обязанностью было выкрасить наши обнаженные и выбритые тела с головы до ног белой охрой, после чего мы стали похожи на призраков. Белый мел символизировал нашу чистоту. Я до сих пор помню, какой жесткой мне казалась глина, высохшая на моем теле.

В ту первую ночь к нам в хижины в полночь осторожно прокрался *иханката*, или слуга, и бережно разбудил каждого из нас. Нам было велено покинуть хижины и в ночной темноте похоронить нашу крайнюю плоть. Согласно традиционным верованиям, цель этой практики заключалась в том, чтобы мы спрятали отсеченную крайнюю плоть от колдунов, которые могут использовать ее в злых целях. Символически этим жестом мы прощались с нашим детством. Мне не хотелось покидать теплую хижину и бродить в темноте по кустарникам, однако я, пересилив себя, зашел за деревья, отвязал от своего одеяла крайнюю плоть и закопал ее в землю. Я чувствовал себя так, словно похоронил последние остатки своего детства.

Мы жили в наших двух хижинах (по тринадцать человек в каждой) все то время, пока наши раны заживали. Когда мы выходили из хижин, нас накрывали одеялами, потому что женщинам не разрешалось нас видеть. Это был период спокойствия, своего рода духовная подготовка к предстоящим испытаниям зрелости. В день нашего возвращения в общину мы рано утром спустились к реке, чтобы смыть белую охру в водах Мбаше. Как только мы отмылись и просохли, нас покрыли красной охрой. Традиция заключалась в том, чтобы теперь каждый из нас переспал с женщиной, которая позже может стать его женой, и чтобы она стерла нанесенный на посвященного юношу пигмент своим телом. В моем случае, однако (впрочем, как и в случае с остальными юношами), охра в последующем была удалена смесью жира и свиного сала.

В конце нашей изоляции хижины со всеми находившимися там предметами и вещами были сожжены. Это символизировало разрыв нашей последней связи с детством. Была организована праздничная церемония, чтобы приветствовать нас как новых мужчин, влившихся в общество. Наши семьи, друзья и местные вожди собрались для выступлений, песен и раздачи подарков. Мне вручили четырех овец и двух телушек, и я почувствовал себя почти богачем. Раньше у меня никогда ничего не было, теперь же я внезапно превратился в собственника. Это было пьянящее чувство, хотя мои подарки были ничтожны по сравнению с дарами для Джастиса, который получил целое стадо. Я, тем не менее, не завидовал ему. Ведь он был сыном вождя, мне же было суждено стать советником вождя. В тот день я чувствовал себя сильным и гордым. Как мне вспоминается, в тот день я даже стал ходить по-другому: прямее, тверже. Я

был полон надежд и уверенности в том, что вскоре обязательно обзаведусь состоянием, недвижимостью и достойным положением в обществе.

Главным оратором дня был вождь Мелигкили, сын Далиндьебо. После того как я послушал его, мои радостные цветные сны превратились в черно-белые. Он начал свою речь достаточно обыденно, поддерживая практику продолжения нашей общей традиции. Затем он резко повернулся к нам, и его тон внезапно изменился.

– Вот сидят наши сыновья, – продолжал он, – молодые, здоровые и красивые, цветки народа коса, гордость нашей нации. Мы только что обрезали их в ритуале, который обещает им мужественность. Однако я здесь, чтобы сказать вам, что это пустое, иллюзорное обещание. Это обещание, которое никогда не может быть выполнено. Ибо мы, народ коса, и все чернокожие южноафриканцы – это покоренный народ. Мы – рабы в нашей собственной стране. Мы – арендаторы на нашей собственной земле. У нас нет ни силы, ни власти, ни контроля над нашей собственной судьбой в стране нашего рождения. Наши сыновья поедут в города, где будут жить в лачугах и пить дешевый алкоголь, и все потому, что у нас нет земли, чтобы дать им, где они могли бы процветать и заводить нормальные семьи. Они будут выкашливать свои легкие глубоко в недрах шахт белого человека, разрушая свое здоровье, никогда не видя солнца, – и все это для того, чтобы белый человек мог процветать. Среди этих молодых людей, наших сыновей, которые прошли сегодня церемонию посвящения, есть будущие вожди, которые никогда не будут править, потому что мы лишены власти управлять своим народом; есть солдаты, которые никогда не будут сражаться, потому что у нас нет оружия; есть ученые, которые никогда не будут учить, потому что у нас нет возможности предоставить им такой шанс. Способности, интеллект, надежды этих молодых людей будут растрочены впустую в их попытке заработать на жизнь, выполняя самую простую, самую бессмысленную работу по дому для белого человека. Эти дары сегодня ничто, ибо мы не можем дать им величайший дар из всех, которым является свобода и независимость. Я хорошо знаю, что Камата-всевидающий никогда не спит, но у меня есть подозрение, что Камата-всевидающий на самом деле может дремать. Если это так, то чем скорее я умру, тем лучше. Потому что тогда я смогу встретиться с ним, разбудить его и сказать, что дети вождя Нгубенгкуки, цветки народа коса, умирают».

Аудитория все более стихала по мере того, как говорил вождь Мелигкили. Как мне показалось, она при этом все более наполнялась яростью. Никто не хотел слышать тех слов, которые он произнес в тот день. Я точно знаю, что и я сам не хотел их слышать. Я скорее рассердился, чем возбудился после выступления вождя, восприняв его слова как оскорбительные комментарии невежественного человека, который не был в состоянии оценить ценность образования и тех преимуществ, которые белый человек принес в нашу страну. В то время я смотрел на белого человека не как на угнетателя, а как на благодетеля, и поэтому считал, что вождь был чрезвычайно неблагодарен. Он испортил мне мой замечательный день, испортил преисполненное меня чувство гордости своими глупыми оценками.

Однако вскоре его слова начали воздействовать на меня. Он посадил во мне семя, и, хотя я позволил этому семени долго зреть, в конце концов оно начало расти. Уже позже я был вынужден признать, что невежество в тот день проявил не вождь, а я сам.

После церемонии я вернулся к реке и стал наблюдать за тем, как она извивалась по пути туда, где через многие мили ей предстояло попасть в Индийский океан. Я никогда не пересекал эту реку и почти ничего не знал о мире на другом ее берегу, о том мире, который манил меня в тот день. Близился закат, и я поспешил туда, где раньше стояли наши уединенные хижины. Хотя нам запретили смотреть, как они горели, теперь я не мог устоять перед искушением посмотреть на то место. Когда я добрался до него, я увидел, что от хижин остались лишь две пирамиды пепла у большой мимозы. В этих кучах пепла лежал теперь уже утраченный и восхитительный мир моего детства, мир сладких и легкомысленных дней в Цгуну и Мэкезвени. Теперь я был мужчиной и никогда больше не стал бы играть в «тинти», или воровать кукурузу,

или пить молоко из коровьего вымени. Я находился в трауре по своему собственному детству. Оглядываясь назад, я теперь понимаю, что в тот день я пока еще не был мужчиной. И не стану им в полном смысле этого слова в течение ближайших лет.

5

В отличие от большинства других мальчиков, с которыми я вместе прошел ритуал обрезания и с которыми учился, мне не было суждено работать на золотых приисках. Регент часто говорил мне: «Тебе не стоит тратить свою жизнь на добычу золота для белого человека, не зная при этом, как написать свое имя». Я был предназначен для того, чтобы стать советником Сабаты, и для этого я должен был получить образование. После церемонии посвящения я вернулся в Мэкезвени, однако ненадолго, так как собирался впервые пересечь реку Мбаше по пути в методистскую среднюю школу-интернат Кларкбери в Энгкобо.

Я снова уезжал из дома, но мне самому не терпелось посмотреть новый для меня мир. Сам регент отвез меня в Энгкобо на своем величественном «Форде V-8». Перед отъездом он организовал празднование того, что я успешно сдал образовательный норматив «Стандарт-5» и был принят в Кларкбери. Для этого мероприятия зарезали овцу и устроили танцы и песнопения. Это был, по существу, первый праздник, который я устраивал в свою честь, и я от всей души наслаждался им. Регент подарил мне мою первую пару ботинок (тоже знак мужественности), и в тот вечер я сам еще раз начистил их до полного блеска, хотя они и так уже достаточно блестели.

* * *

Основанная в 1825 году школа-интернат Кларкбери располагалась на месте одной из старейших миссий Уэслианской методистской церкви в Транскее. В то время школа Кларкбери была высшим учебным заведением для африканцев в Тембуленде. Сам регент посещал Кларкбери и в эту же школу направил учиться и Джастиса. Это была одновременно средняя школа и педагогический колледж, здесь же предлагались курсы по таким практическим дисциплинам, как столярное дело, пошив одежды и изготовление жестяных изделий.

Во время поездки в школу регент консультировал меня по поводу моего поведения и моего будущего. Он убеждал меня вести себя так, чтобы это вызывало только уважение к Сабате и к нему (регенту) самому, и я заверил его, что именно так и буду делать. Затем он проинформировал меня о преподобном К. Харрисе, директоре школы. Преподобный Харрис, объяснил он, являлся уникальной личностью: он был своего рода «белым представителем племени тембу», то есть белым человеком, который в глубине души любил и понимал наше племя. Регент заявил, что, когда Сабата станет старше, он доверит будущего вождя именно преподобному Харрису, который будет воспитывать его как христианина и правителя, обеспечивающего руководство в соответствии с многолетними традициями. Он сказал, что я должен учиться у преподобного Харриса, потому что мне было суждено консультировать лидера, которого преподобный Харрис должен был сформировать.

В Мэкезвени мне довелось встретиться со многими белыми: торговцами, правительственными чиновниками, включая судей и полицейских. Это были люди высокого положения, и регент общался с ними вежливо, но не подобострастно. Он обращался с ними на равных. Временами я даже видел, как он их упрекает, хотя это случалось крайне редко. У меня к тому времени было очень мало опыта в непосредственном общении с белыми. Регент никогда не говорил мне, как себя вести, я просто наблюдал за ним и следовал его примеру. Однако, говоря о преподобном Харрисе, регент впервые прочитал мне лекцию о том, как я должен себя вести. Он сказал, что я должен оказывать преподобному такое же уважение и проявлять такое же послушание, как и ему, регенту.

Кларкбери, по моим впечатлениям, оказался даже величественнее, чем поместье вождя в Мэкезвени. Сама школа состояла из двух десятков или около того изящных зданий в колони-

альном стиле, которые включали отдельные дома, а также общежития, библиотеку и различные учебные залы. Это было первое место западного (не африканского) стиля, где я жил, и я чувствовал, что вступаю в новый мир, правила которого мне еще не были полностью ясны.

Нас провели в кабинет преподобного Харриса, где регент представил меня, и я впервые в жизни пожал руку белому человеку. Преподобный Харрис был приветлив и дружелюбен и относился к регенту с большим почтением. Тот объяснил, что меня готовят на должность советника вождя и что он надеется, что преподобный проявит ко мне особый интерес. Преподобный кивнул, добавив, что ученики Кларкбери должны после уроков выполнять физическую работу и что он устроит меня работать в его саду.

В конце беседы регент попрощался со мной и вручил банкноту в один фунт стерлингов на карманные расходы. Это была самая большая сумма денег, которую я когда-либо держал в руках. Я попрощался с ним, пообещав, что не разочарую его.

Кларкбери был учебным заведением, основанным на земле племени тембу, которая в свое время была предоставлена в этих целях верховным вождем тембу Нгубенгукой. Как потомок Нгубенгуки, я предполагал, что в Кларкбери мне окажут такое же уважение, какое и в Мэкезвени. Но я жестоко ошибся, потому что ко мне отнеслись точно так же, как и ко всем остальным. Никто не знал (и даже не озаботился узнать) о том, что я потомок знаменитого Нгубенгуки. Воспитатель интерната принял меня без триумфального звука фанфар, и мои сокурсники не кланялись мне и не лебезили передо мной. В Кларкбери у многих мальчиков были выдающиеся родословные, и я не являлся для них какой-то уникальной личностью. Это был для меня весьма важный урок, потому что, подозреваю, в те дни я был немного заносчив. Я быстро усвоил, что должен прокладывать свой путь, основываясь исключительно на своих способностях, а не на своем наследии. Большинство моих одноклассников опережали меня на игровом поле и превосходили меня в учебе, и мне предстояло еще многое наверстать в этом отношении.

Занятия начались на следующее утро после моего прибытия, и вместе со своими сокурсниками я поднялся по ступенькам на первый этаж, где располагались классные комнаты. В моем классе был красивый отполированный деревянный пол. В первый день занятий я обул свои новые ботинки. Раньше я никогда не носил никакой обуви, и в тот первый день я шел, как только что подкованная лошадь. Я ужасно шумел, поднимаясь по ступенькам, и несколько раз чуть не поскользнулся. Когда я неуклюже протопал в класс, мои ботинки демонстративно (но совершенно случайно) прогрохотали по блестящему деревянному полу, и я заметил, что две девочки в первом ряду с большим интересом наблюдали за моими неуклюжими действиями. Самая красивая из них наклонилась к своей подруге и сказала достаточно громко, чтобы все слышали: «Деревенский парень не привык носить обувь». На это ее подруга рассмеялась. Я был буквально ослеплен от ярости. При этом я испытал немалое смущение.

Ее звали Матона, и она была большой умницей. Наряду с этим сообразительность в ней сочеталась с изрядной долей нахальства. В тот день я поклялся никогда с ней не разговаривать. Однако по мере того, как мое унижение проходило (и одновременно я становился более искусным в пользовании ботинками), я постепенно познакомился с ней поближе. В конце концов она стала моим лучшим другом в Кларкбери. Я общался с ней на равных, мог делиться своими секретами. Во многих отношениях она стала образцом для всех моих последующих дружеских отношений с женщинами. Общаясь с Матоной, я с удивлением обнаружил, что могу в ее компании расслабиться, признаться ей в своих слабостях и страхах, которые никогда не открыл бы другому мужчине.

Вскоре я приспособился к новой жизни в Кларкбери. Я часто участвовал в различных спортивных состязаниях, но, признаться честно, мои выступления были весьма посредствен-

ными. Я выступал исключительно из любви к спорту, а не ради спортивной славы. Мы играли в большой теннис самодельными деревянными ракетками, в футбол – босиком на пыльном поле.

Впервые у меня появились учителя, которые сами были должным образом образованы. Некоторые из них имели университетские степени, что было крайне редким явлением. Однажды, занимаясь вместе с Матоней, я поделился с ней опасениями, что в конце года провалюсь на экзаменах по английскому языку и истории. Она ответила, что я могу не беспокоиться, потому что наша учительница Гертруда Нтлабати была первой африканской женщиной, получившей степень бакалавра гуманитарных наук. «Она слишком умна, чтобы позволить нам потерпеть неудачу», – заверила меня Матона. В то время я еще не научился притворяться знающим, когда чего-то не знал, и поскольку имел лишь смутное представление о том, что такое бакалавр, то переспросил об этом Матону. «Бакалавр – это очень толстая и очень трудная книга», – ответила она. Я не высказал никаких сомнений в истинности ее слов.

Другим африканским учителем со степенью бакалавра гуманитарных наук был Бен Махласела. Мы восхищались им не только из-за его академических достижений, но и потому, что он не испытывал ни малейшего страха перед преподобным Харрисом. Даже белые преподаватели вели себя подобострастно по отношению к преподобному, однако мистер Махласела без страха входил в его кабинет и иногда позволял себе даже не снимать при этом шляпу! Он общался с преподобным на равных, порой не соглашаясь с ним тогда, когда другие считали за лучшее просто поддакнуть. Хотя я искренне уважал преподобного Харриса, меня восхищало то, что мистер Махласела не боялся его. В те дни от чернокожего с дипломом бакалавра ожидалось, что он будет расшаркиваться перед белым с начальным школьным образованием. Независимо от того, насколько высоко продвинулся черный, он все равно считался ниже по положению белого, находившегося на самом низу социальной лестницы.

* * *

Преподобный Харрис управлял Кларкбери железной рукой, неизменно руководствуясь при этом чувством справедливости. Школа-интернат Кларкбери была похожа скорее на военное училище, чем на педагогический колледж. Малейшие нарушения тут же наказывались. На лице преподобного Харриса застыло строгое выражение, сразу же дающее понять окружающим, что он не склонен поощрять легкомыслие любого рода.

Когда он входил в кабинет или класс, все сотрудники, в том числе белые завучи педагогических и средних классов, вставали вместе с чернокожим завучем ремесленных классов.

Ученики больше боялись преподобного, чем любили его. Однако в саду я увидел совсем другого Харриса. Работа в его саду принесла мне двойную пользу: наряду с тем, что она на всю жизнь привила мне любовь к садоводству и выращиванию овощей, она также помогла мне лучше узнать преподобного и его семью, первую белую семью, с которой я находился в достаточно близких отношениях. Таким образом, я сделал для себя вывод, что у преподобного Харриса был публичный образ и семейный, домашний, которые сильно отличались друг от друга.

За маской строгости преподобного скрывался мягкий человек широких взглядов, который горячо верил в важность образования для молодых африканцев. Я часто заставлял его в своем саду погруженным в глубокую задумчивость. Я старался не беспокоить его и редко заговаривал с ним. Преподобный Харрис всегда оставался для меня образцом человека, бескорыстно преданного доброму делу.

Его жена была так же разговорчива, насколько он отличался молчаливостью. Она была милой женщиной и часто заходила в сад, чтобы поболтать со мной. Теперь я уже вряд ли смогу вспомнить, о чем конкретно мы говорили, но в моей памяти остался вкус восхитительных теплых булочек, которые она приносила мне.

После моего несколько замедленного и ничем не примечательного учебного старта мне, наконец, удалось освоиться в школе. Я смог, ускорившись в освоении своей программы, завершить курс младшей средней школы за два года вместо обычных трех. У меня сложилась репутация ученика с прекрасной памятью, но на самом деле я был просто старательным и прилежным. Когда я уехал из Кларкбери, я потерял след Матоны. Она была ученицей, не живущей при школе, и у ее родителей не было средств оплатить ее дальнейшее образование. Она была необычайно умной и одаренной, однако ее потенциал был ограничен скудными ресурсами ее семьи. Это была история, типичная для Южной Африки. Мой народ постоянно сталкивался с различными ограничениями не из-за отсутствия способностей, а в результате отсутствия соответствующих возможностей.

Время, проведенное в Кларкбери, существенно расширило мои горизонты, но я бы не сказал, что я уезжал молодым человеком широких взглядов, совершенно объективным и беспристрастным. Я встречался в школе с учениками со всего Транскея. Некоторые юноши были из Йоханнесбурга и Басутоленда (в последующем – королевство Лесото). Многие из них были весьма искушенными в разных областях (включая политику) и космополитами по своим взглядам, что заставляли меня чувствовать себя ограниченным провинциалом. Хотя я и пытался подражать им, я прекрасно понимал, что мальчик из сельской местности не может соперничать с ними в их светских манерах. И все же я им не завидовал. Даже когда я покидал Кларкбери, в душе я оставался представителем племени тембу, и я гордился тем, что думал и действовал как один из его членов. Мои племенные корни были моей судьбой, и я верил, что стану советником вождя тембу, как того желал мой опекун. Горизонты моих мечтаний и масштабы моих планов не простирались за пределы Тембуленда, и я считал, что быть сыном племени тембу – самая завидная вещь в мире.

6

В 1937 году, когда мне исполнилось девятнадцать лет, я присоединился к Джастису в Уэслианском методистском колледже Хилдтаун, расположенном в одноименном населенном пункте юго-восточнее города Форт-Бофорт, примерно в ста семидесяти пяти милях к юго-западу от Умтаты. В XIX веке Форт-Бофорт являлся одним из британских аванпостов во время так называемых Пограничных войн, в ходе которых белые поселенцы систематически лишали различные племена народа коса их земель. За столетие этого конфликта многие воины народа коса прославились своей храбростью. В историю вошли такие замечательные герои, как Маханда, Сандиле, Макома. Последние двое были заключены колониальными британскими властями в тюрьму на острове Роббен, где и умерли. Ко времени моего прибытия в районе Хилдтауна осталось мало следов сражений прошлого века, кроме главного: Форт-Бофорт был городом белых людей, где когда-то жил и занимался сельским хозяйством народ коса.

Расположенный в конце извилистой дороги с видом на зеленую долину колледж Хилдтаун был гораздо красивее и производил более сильное впечатление, чем школа-интернат Кларкбери. В то время это было самое крупное учебное заведение для африканцев ниже экватора, в котором обучалось более тысячи учеников (как юношей, так и девушек). Его изящные, увитые плющом здания в колониальном стиле и тенистые дворики придавали ему вид привилегированного академического оазиса, которым он и являлся на самом деле. Как и Кларкбери, Хилдтаун являлся объектом миссионерской деятельности методистской церкви и предоставлял христианское и гуманитарное образование, основанное на английской модели.

Директором Хилдтауна был Артур Веллингтон, толстый и чопорный англичанин, который хвастался своей связью с герцогом Веллингтоном. В начале школьных собраний он выходил на сцену и говорил своим глубоким басом: «Я – потомок великого герцога Веллингтона, аристократа, государственного деятеля и генерала, который сокрушил француза Наполеона при Ватерлоо и тем самым спас цивилизацию для Европы, а также и для вас, туземцев». При этом всем нам следовало с энтузиазмом аплодировать ему, чтобы продемонстрировать, что каждый из нас безмерно благодарен за то, что потомок великого герцога Веллингтона взял на себя труд обучать нас, туземцев. Образцом для нас являлся образованный англичанин. Сами же мы стремились быть «черными англичанами», как нас иногда насмешливо называли. Нас учили (искренне веря в это), что лучшие идеи – это английские идеи, лучшее правительство – это английский кабинет министров, а лучшие люди – это англичане.

Жизнь в Хилдтауне была суровой. В шесть утра раздавался первый звонок, к 6:40 мы приступали в столовом зале к завтраку, который состоял из сухого хлеба и подслащенного кипятка. За нами мрачно наблюдал со своего портрета Георг VI, король Англии. Те, кто мог позволить себе намазать хлеб маслом, покупали его и хранили на кухне. Мне приходилось довольствоваться сухим тостом. В восемь утра мы собирались во дворе перед нашим общежитием для «осмотра», стоя навтыжку, пока девушки появлялись из своих общежитий. Занятия продолжались до 12:45, а затем мы обедали маисовой кашей с кислым молоком и бобами, очень редко – с мясом. Затем занятия возобновлялись до пяти часов вечера, после чего следовал часовой перерыв на физическую разминку и ужин. С семи до девяти часов время отводилось на самоподготовку, в 9:30 вечера в колледже гасили свет.

В Хилдтауне училась молодежь со всей страны, а также из протекторатов Басутоленд, Свазиленд и Бечуаналенд. Хотя это было учебное заведение в основном для народа коса, там можно было встретить представителей разных племен. После школы и по выходным дням ученики из одного племени старались держаться вместе. Так, члены племени амампондо предпочитали общаться со своими соплеменниками. Я придерживался той же модели, однако именно

в Хилдтауне я впервые завел друга, говорящего на сото⁸. Его звали Захария Молете. Насколько мне помнится, это был достаточно смелый шаг – завести себе друга не из народа коса.

Наш преподаватель зоологии Фрэнк Лебентлеле также говорил на сото и пользовался большой популярностью среди учеников. Представительный и привлекательный, Фрэнк был ненамного старше нас и свободно общался с учениками. Он даже играл в первой футбольной команде колледжа, демонстрируя высокое спортивное мастерство. Нас больше всего поразила его женитьба на девушке из народа коса родом из Умтаты. Браки между членами разных племен были в то время крайне необычны. До тех пор я не знал никого, кто женился бы на представительнице другого племени. Нас всегда учили, что такие союзы находятся под строгим запретом. Но знакомство с Фрэнком и его женой нанесло серьезный удар по моей зашоренности и провинциализму, ослабило хватку трайбализма, в плену которого я все еще находился. Я начал ощущать себя африканцем, а не просто членом племени тембу или народа коса.

В нашем общежитии было сорок кроватей, по двадцать с каждой стороны центрального прохода. Старшим воспитателем у нас был преподобный С. С. Мокитими, который позже стал первым чернокожим президентом Методистской церкви Южной Африки. Преподобный Мокитими, который также говорил на сото, пользовался большим уважением среди учащихся как просвещенный человек с передовыми взглядами, который всегда был готов рассмотреть наши жалобы.

Преподобный Мокитими произвел на нас неизгладимое впечатление, когда он решился публично противостоять директору Веллингтону. Однажды вечером на главной улице колледжа между двумя старостами групп вспыхнула ссора. Старосты отвечали за предотвращение конфликтов, а не за их провоцирование. Преподобного Мокитими вызвали, чтобы урегулировать ситуацию. Внезапно в самый разгар этой суматохи появился директор Веллингтон, возвращавшийся из города. Его появление буквально потрясло всех нас. Это было похоже на то, словно Всевышний снизошел, чтобы решить нашу скромную проблему.

Директор выпрямился во весь рост и потребовал объяснить, что происходит. Преподобный Мокитими, макушка головы которого не доставала Веллингтону даже до плеч, сказал проникновенным голосом: «Сэр, все под контролем. Я доложу Вам все завтра». Ничуть не смутившись, Веллингтон принялся настаивать с заметным раздражением: «Нет, я хочу знать, в чем дело, прямо сейчас! Немедленно!» Преподобный Мокитими, однако, стоял на своем: «Сэр, я – старший воспитатель, и я обещал, что доложу Вам все завтра. Именно так я и поступлю». Мы были ошеломлены. Мы никогда не видели, чтобы кто-нибудь, тем более чернокожий, имел смелость возражать директору, и ожидали взрыва. Но Веллингтон просто ответил: «Очень хорошо», – после чего повернулся и ушел. И тогда я понял, что директор Веллингтон был меньше, чем Всевышний, а преподобный Мокитими – больше, чем лакей, и что чернокожий не должен автоматически подчиняться белому, какое бы высокое положение последний ни занимал.

Преподобный Мокитими стремился провести в колледже ряд реформ. Мы все поддерживали его усилия по улучшению нашего питания и обращения с учениками. Нам также понравилось его предложение о том, чтобы учащиеся сами несли ответственность за поддержание дисциплины в колледже. Но одно изменение преподобного Мокитими достаточно сильно встревожило нас, особенно выходцев из сельской местности. Это касалось идеи преподобного Мокитими о том, чтобы юноши и девушки ели вместе в столовом зале во время воскресного обеда. Я был настроен категорически против этого нововведения по той простой причине, что все еще не мог достаточно умело обращаться с ножом и вилкой и не хотел позориться перед остроглазыми девицами. Но преподобный Мокитими смог настоять на своей идее, и каждое воскресенье я выходил из столового зала голодным и в подавленном настроении.

---

⁸ Сото – язык южных племен народности банту в Южной Африке.

Наряду с этим мне нравилось заниматься спортом в колледже. Качество спортивных состязаний в Хилдтауне было намного выше, чем в Кларкбери. В первый год своего обучения я еще не был достаточно опытен, чтобы попасть в какую-либо команду. Но на втором курсе мой друг Локк Ндзамела, чемпион Хилдтауна по бегу с барьерами, посоветовал мне заняться новым для меня видом спорта: бегом на длинные дистанции. Я был высоким и долговязым. По словам Локка, у меня было идеальное телосложение для бегуна на длинные дистанции. Получив от него несколько советов, я приступил к тренировкам. Я наслаждался дисциплиной и уединенностью этого вида спорта. Бег на длинные дистанции позволял мне отвлечься от суеты жизни в колледже. В то же время я также занялся тем видом спорта, для которого, как казалось, подходил менее всего, – боксом. Я занимался им несколько беспорядочно, и только спустя несколько лет, набрав несколько фунтов дополнительного веса, я начал боксировать всерьез.

Во время моего второго года обучения в Хилдтауне преподобный Мокитими и директор Веллингтон назначили меня старостой группы. У старосты имеются разные обязанности, а у недавно назначенных старост они, как правило, наименее желательные. Вначале я руководил группой учеников, которые во второй половине дня работали мойщиками окон, и каждый день водил свою группу в разные здания.

Вскоре я перешел на следующий уровень ответственности: мне доверили ночное дежурство. У меня никогда не было проблем с тем, чтобы отказаться от ночного сна, но в одну из таких ночей я оказался перед некоторой психологической проблемой. В общежитии не было туалетов, уборная располагалась где-то в ста футах за зданием. Среди ночи, особенно в дождь, никому особо не хотелось тащиться к ней по траве и грязи. Вместо этого учащиеся предпочитали выходить на веранду и мочиться в кусты. Однако эта практика строго противоречила правилам колледжа, и одной из обязанностей старосты во время ночного дежурства было записывать имена нарушителей.

Однажды ночью, когда я дежурил, шел проливной дождь. Мне пришлось записать довольно много учеников (где-то около пятнадцати), облегчавшихся с веранды. Ближе к рассвету я увидел, как на веранду вышел какой-то парень, посмотрел в обе стороны и принялся мочиться. Я подошел к нему и объявил, что застал его за нарушением. Когда он обернулся, я понял, что передо мной – один из старост. Я оказался в затруднительном положении. В юриспруденции и философии известен вопрос: «*Quis custodiet ipsos custodes?*» («Кто устережет самих сторожей?») Если староста не подчиняется правилам, как можно ожидать, что ученики будут им следовать? По сути, староста был выше закона, выше принятых правил, потому что он сам был законом. И один староста не должен был сообщать о нарушении другого. Но я не считал справедливым умолчать о нарушении старосты и доложить о нарушении пятнадцати обычных учеников, поэтому я просто разорвал свой список и никому ничего не докладывал.

В последний год моего обучения в Хилдтауне произошло событие, которое стало для меня подобно комете, пронесшейся по ночному небу. Ближе к концу года нам сообщили, что колледж собирается посетить великий поэт народа коса Крун Макхайи. Макхайи был *имбонги*, своего рода устным летописцем, который в своей поэзии отмечал события, имеющие особое значение для своего народа.

День его визита был объявлен школьными властями выходным. В назначенное время утром вся школа в полном составе, включая чернокожих и белых сотрудников, собралась в столовом зале, где мы обычно проводили школьные собрания. На одном конце зала была сцена с дверью, ведущей к дому директора Веллингтона. В этой двери не было ничего особенного, мы привыкли считать ее «дверью Веллингтона», поскольку никто никогда не пользовался ею, кроме самого директора.

Внезапно дверь открылась, но появился не директор Веллингтон, а чернокожий мужчина, одетый в накидку из леопардовой шкуры и соответствующий головной убор, который держал по копы в каждой руке. Мгновение спустя за ним последовал и директор Веллингтон, однако вид чернокожего мужчины в племенной одежде, входящего через «фирменную» директорскую дверь, буквально наэлектризовал обстановку в зале. Трудно передать, какое это оказало на нас воздействие. Нам казалось, что мир перевернулся. Когда Макхайи сел на сцене рядом с директором Веллингтоном, мы едва могли сдерживать свое волнение.

Однако, когда Макхайи поднялся и заговорил, я, признаюсь честно, был разочарован. В моем юношеском воображении уже сложился его образ, и я ожидал, что герой народа коса предстанет перед нами высоким, суровым, мудрым и проницательным. Макхайи, однако, не отличался ничем особенным и, если не считать своего экзотического наряда, казался совершенно обычным человеком. Когда он говорил на языке коса, то делал это медленно, порой запинаясь и останавливаясь, чтобы подобрать нужное слово. Вспомнив необходимое выражение, он иногда не мог произнести его с первого раза.

В какой-то момент он для выразительности поднял свой асsegай в воздух и случайно задел над собой жгут занавеса, что вызвало резкий шум и заставило занавес сильно покачнуться. Поэт посмотрел на острие своего копья, затем на занавес и, глубоко задумавшись, прошелся по сцене взад-вперед. Через минуту он остановился, повернулся к нам лицом и, воодушевившись, воскликнул, что этот инцидент (удар копья о жгут) символизирует столкновение между культурой Африки и культурой Европы. Его голос окреп, и он заявил залу: «Асsegай олицетворяет славу и истину в истории Африки, это символ африканца как воина и как художника. А эта металлическая проволока (он указал на жгут занавеса) является образцом западного производства, который весьма искусен, но холоден, сделан с умом, но бездушен».

– Я сейчас веду речь не о столкновении куска кости с куском металла, – продолжил он, – и даже не о наложении одной культуры на другую. Нет, я имею в виду жестокое столкновение между тем, что является своим, исконным, местным – и достойным, и тем, что является иностранным, привнесенным – и дурным. Мы не можем позволить этим иностранцам, которым безразлична наша культура, захватить власть над нашей нацией. Глядя в будущее, я отчетливо вижу, что однажды силы африканского общества одержат важную победу над незваными гостями. Слишком долго мы склонялись перед ложными богами белого человека. Однако рано или поздно мы пробудимся и отбросим чуждые для нас понятия и ценности.

Я едва мог поверить своим ушам. Его смелость говорить о таких деликатных вопросах в присутствии директора Веллингтона и других белых казалась нам совершенно поразительной. Но в то же время она заставила нас внимательнее присмотреться к окружающему, попытаться изменить восприятие таких людей, как Веллингтон, которого мы, особо не задумываясь, считали своим благодетелем.

Затем Макхайи начал декламировать свое знаменитое стихотворение, в котором он распределяет звезды на небесах между различными народами мира. Я никогда раньше не слышал его. Макхайи ходил по сцене и, жестикулируя асsegаем, поднятым к небу, обращался к народам Европы, к французам, немцам, англичанам: «Я отдаю вам Млечный Путь, самое большое созвездие, потому что вы странный народ, полный жадности и зависти, готовый со всеми рассориться, лишь бы оставаться в достатке». Он подарил определенные звезды азиатским народам, а также Северной и Южной Америке. Затем он перешел к Африке и, разделив континент на разные нации, отдал конкретные созвездия различным племенам. Он бродил по сцене, пританцовывая, размахивая копьем, играя своим голосом. Внезапно он замер и понизил голос до шепота.

– А теперь иди сюда, о народ коса! – проговорил Макхайи и начал медленно опускаться так, что в конце концов оказался на одном колене. – Я отдаю тебе самую важную, самую удивительную, необыкновенную звезду. Я отдаю тебе Венеру, утреннюю звезду, ибо ты – гордый

и могущественный народ. Эта звезда – для подсчета твоих лет, лет твоей зрелости и твоего мужества.

Произнеся последнее слово, он уронил голову на грудь. Мы вскочили на ноги, хлопая изо всех сил. Я готов был аплодировать бесконечно. В тот момент я испытывал безмерную гордость не как африканец, а как сын народа коса. Я чувствовал себя одним из избранных.

Я был весьма воодушевлен выступлением Макхайи, но также и изрядно смущен им. Поэт перешел от более широкой, всеобъемлющей темы африканского единства к более узкой, адресованной лишь народу коса, представителем которого он был.

По мере того как время моей учебы в Хилдтауне подходило к концу, в моей голове роилось много новых, зачастую противоречивых идей. Я начинал понимать, что у африканцев всех племен было много общего, и только что на моих глазах великий Макхайи превозносил народ коса превыше всех других. Я видел, что африканец может отстаивать свою точку зрения в споре с белым человеком, и наряду с этим я все еще всячески искал выгод от белых, что часто требовало подчинения им. В некотором смысле Макхайи в своем знаменитом стихотворении сместил фокус внимания слушателя на более узкий вопрос, что отражало и мою собственную позицию, поскольку я метался между гордостью за себя как сына народа коса и чувством родства с другими африканцами. Тем не менее, когда я покинул колледж Хилдтаун в конце года, я воспринимал себя в первую очередь представителем народа коса, а уже во вторую – африканцем.

7

Вплоть до 1960 года Университет Форт-Хэйр в городе Элис, расположенный примерно в двадцати милях к востоку от Хилдтауна, был единственным высшим учебным заведением для чернокожих в Южной Африке. Форт-Хэйр был чем-то большим, чем просто университетом: он являлся своего рода маяком, путеводной звездой для ученых-африканцев со всей Южной, Центральной и Восточной Африки. Для молодых чернокожих южноафриканцев, таких как я, это учебное заведение воплощало Оксфорд и Кембридж, Гарвард и Йель в одном лице.

Регент очень хотел, чтобы я поступил в Форт-Хэйр, и я был рад, что меня туда приняли. Перед моим появлением в университете регент купил мне мой первый костюм, двубортный, серого цвета. Он позволял мне чувствовать себя взрослым, современным и утонченным. Мне шел двадцать первый год, и я не мог представить никого в Форт-Хэйре умнее себя.

Я чувствовал, что меня готовят к успеху в этом мире. Я был рад, что у регента теперь будет член его клана с университетским дипломом. Джастис остался в Хилдтауне, чтобы получить там аттестат средней школы. Ему больше нравились спортивные игры, чем занятия в классе; к учебе он относился довольно прохладно.

Университет Форт-Хэйр был основан в 1916 году шотландскими миссионерами на месте крупнейшего пограничного форта XIX века в Капской колонии⁹. Построенный на скалистом выступе и окруженный рвом вдоль изгиба реки Тюме, форт Хэйр был расположен совершенно идеально, чтобы позволить британцам успешно отражать нападения Сандиле, доблестного воина народа коса, последнего верховного вождя племени рарабе, который был побежден британцами в одной из последних Пограничных войн в 1800-х годах.

В Университете Форт-Хэйр обучалось всего сто пятьдесят студентов, и я уже был знаком с дюжиной из них по своей прежней учебе в Кларкбери и Хилдтауне. Одним из тех, с кем я встретился впервые, был К. Д. Матанзима. Хотя Кайзер по племенной иерархии являлся моим племянником, я был моложе него и гораздо ниже по положению. Высокий, стройный и чрезвычайно уверенный в себе, Кайзер был студентом третьего курса. Он взял меня под свое покровительство. Я смотрел на него снизу вверх, как в свое время я поступал и в отношении Джастиса.

Мы оба принадлежали к методистской церкви, и меня определили в то же самое общежитие, известное как Уэсли-Хаус, где проживал и Кайзер. Это было удобное двухэтажное здание на краю кампуса. Под руководством Кайзера я посещал церковные службы в соседнем городке Лавдэй, занимался футболом (в котором он преуспел) и в целом следовал его советам. Регент не считал нужным посылать деньги своим детям, уехавшим из дома на учебу, и у меня были бы совершенно пустые карманы, если бы Кайзер не делился со мной своим пособием. Как и регент, он видел мою будущую роль в качестве советника Сабаты и поощрял меня изучать юриспруденцию.

* * *

Форт-Хэйр, как и Кларкбери и Хилдтаун, был миссионерским учебным заведением. Нас непрестанно призывали повиноваться Богу, уважать политические власти и быть благодарными за образовательные возможности, предоставляемые нам церковью и правительством. Подобные учебные заведения зачастую подвергались критике за насаждаемые взгляды в духе колониализма и соответствующую практику. И все же даже с учетом этих обстоятельств я счи-

---

⁹ В настоящее время – территория Восточно-Капской провинции.

таю, что их преимущества перевешивали их недостатки. Миссионеры создавали школы, колледжи, университеты, в то время как правительство не хотело или же не имело возможности сделать это. Условия обучения в миссионерских школах, хотя зачастую и отличались жесткостью с психологической точки зрения, были гораздо более демократичными, чем расистские принципы, лежавшие в основе государственных школ.

Форт-Хэйр являлся одновременно домом и инкубатором для некоторых крупных африканских ученых. Так, профессора З. К. Мэтьюса можно считать образцом африканского интеллектуала. Родом из семьи шахтера, он испытал влияние автобиографии американского просветителя Букера Вашингтона «Воспрянь от рабства», которая проповедовала достижение жизненного успеха через упорный труд и умеренность. Профессор З. К. Мэтьюс преподавал социальную антропологию и юриспруденцию и прямо высказывался против социальной политики, проводимой правительством.

Университет Форт-Хэйр и профессора Д. Д. Т. Джабаву можно считать практически синонимами. Профессор стал первым сотрудником университета, когда тот открылся в 1916 году. Он получил степень бакалавра английского языка в Лондонском университете, что казалось настоящим подвигом. Профессор Д. Д. Т. Джабаву преподавал у нас язык народа коса, а также латынь, историю и антропологию. Когда дело касалось генеалогии народа коса, он демонстрировал поистине энциклопедические знания. Он рассказал мне такие факты о моем отце, которых я никогда не знал. Профессор активно и последовательно защищал права африканского населения. В 1936 году он основал Всеафриканскую конвенцию, которая выступала против сегрегационных законопроектов в парламенте и стремилась объединить всю неевропейскую оппозицию сегрегационистским мерам южноафриканского правительства.

Помню, как я ехал на поезде из Элиса в Умтату. Мое место находилось, естественно, в африканском купе, предназначенном для чернокожих. Проверить билеты пришел кондуктор из числа белых. Увидев, что я сел в Элисе, он поинтересовался: «Ты из школы Джабаву?» Я утвердительно кивнул, после чего кондуктор радостно пробил мой билет, пробормотав что-то о том, что Джабаву – это прекрасный человек.

На первом курсе я изучал английский язык, социальную антропологию, политику, местное управление и римско-голландское право. Предмет «Местное управление» был рекомендован всем, кто хотел работать в Департаменте по делам коренных народов, поскольку касался законодательства применительно к африканцам. Хотя Кайзер советовал мне изучать юриспруденцию, я твердо решил стать переводчиком или служащим в Департаменте по делам коренных народов. В то время карьера государственного служащего считалась для африканца весьма перспективной, пожалуй, самой многообещающей для чернокожего мужчины. В сельских районах переводчик в канцелярии магистрата считался вторым по значимости лицом после самого магистрата. Когда на втором курсе моего обучения в Форт-Хэйре ввели курс устного перевода, который вел известный судебный переводчик на пенсии Тямзаше, я был одним из первых студентов, записавшихся на него.

Форт-Хэйр считался довольно элитарным местом и поэтому не обходился без своего рода «дедовщины», свойственной многим высшим учебным заведениям. Представители старших курсов относились к вновь поступившим с высокомерием и презрением. Когда я впервые появился в кампусе, заметил на другом конце университетского двора Гамалиэля Вабазу, с которым мы вместе учились в Кларкбери и который был на несколько лет старше меня. Я тепло поздоровался с ним, но его ответ был чрезвычайно холодным и высокомерным. Он сделал пренебрежительное замечание о том, что мне предстоит жить в общежитии для первокурсников. Затем Вабаза сообщил мне, что он входит в Домовой комитет моего общежития, хотя, являясь старшекурсником, больше не живет в общежитии. Я счел это странным и неправильным, но такова была принятая практика.

Вскоре после этого мы, группа первокурсников, обсудили тот факт, что ни местные жители, ни первокурсники не были представлены в Домовом комитете общежития. Мы решили, что нам следует отойти от традиции и избрать новый Домовой комитет, состоящий из представителей этих двух групп. Мы объединились, привлекли на свою сторону местных жителей и в ближайшие несколько недель избрали наш собственный Домовой комитет, одержав, таким образом, верх над старшеклассниками. Я сам выступил инициатором этого шага и был избран в новый Комитет.

Но старшеклассники не хотели сдаваться. Они провели встречу, на которой один из них, Рекс Татане, изъяснявшийся по-английски весьма велеречиво, заявил: «Такое поведение со стороны новеньких совершенно неприемлемо. Как мы, старшеклассники, можем быть лишены своих привилегий отсталым сельским парнем, этим Манделой? Да он даже не может нормально говорить по-английски!» И он попытался симитировать, как я говорю на английском языке с акцентом *амагкалеки*¹⁰, что вызвало громкий смех его приятелей, стремившихся подольститься к нему. Насмешливая речь Татане придавала нам еще больше решимости. Мы, новички, официально оформили созданный нами Домовой комитет и отныне стали поручать старшекурсникам самую неприятную работу по хозяйству, что, безусловно, являлось унижением для них.

Завуч по воспитательной части, преподобный Э. Дж. Кук, узнав о нашем конфликте, вызвал нас в свой кабинет. Мы, новички, чувствовали свою правоту и не согласны были идти на какие-либо уступки. Татане обратился к преподобному с просьбой отменить наше решение. В середине своей речи он вдруг не выдержал и заплакал. Как и у большинства задир и хвастунов, у Татане был характер слабака. Завуч предложил нам отказаться от своей идеи, но мы не пошли на попятную. Мы предупредили преподобного, что, если он откажет нам, мы все уйдем из Домового комитета, и этот орган в таком случае потеряет свой смысл. В конце концов завуч решил не вмешиваться. Мы проявили твердость – и победили. По существу, это была моя первая схватка с властью, и я почувствовал, как появляются новые силы от одного только понимания, что право и справедливость на твоей стороне. К сожалению, в дальнейшем удача будет сопутствовать мне в меньшей степени в моей борьбе с университетскими властями.

Мое образование в Форт-Хэйре проходило как в классных комнатах, так и за их пределами. Я стал более активно заниматься спортом, чем в Хилдтауне. Это было связано с двумя факторами. Во-первых, я стал выше и сильнее. Однако более важным обстоятельством послужило то, что Форт-Хэйр был намного меньше Хилдтауна, и, как результат, у меня оказалось меньше конкурентов. Я мог успешно соревноваться как в футболе, так и в беге по пересеченной местности. Бег преподавал мне ценные уроки. Для стайеров тренировка значила гораздо больше, чем врожденные способности, и я мог компенсировать недостаток природных способностей усердием и дисциплиной. Необходимо отметить, что я применял это во многих областях. На этапе своей студенческой жизни мне приходилось встречать многих молодых людей, которые обладали большими природными способностями, но у которых не хватало самодисциплины и терпения, чтобы развить свой дар.

Кроме того, я вступил в драматический кружок и сыграл в пьесе об Аврааме Линкольне, которую адаптировал для университетской сцены мой одноклассник Линкольн Мкентейн. Мкентейн происходил из знатной транскейской семьи, он был тем человеком, на которого я старался равняться, в том числе и в буквальном смысле этого слова: он являлся единственным студентом в Форт-Хэйре, который был выше меня ростом. Мкентейн сыграл в спектакле своего тезку, а мне выделили роль Джона Уилкса Бута, убийцы Линкольна. Мкентейн представил Линкольна величественной личностью, а его декламация Геттисбергской речи, одной из самых известных речей в истории США, вызвала у зрителей бурные овации. Моя роль была меньше,

¹⁰ Амагкалека – крупная подгруппа народа коса, проживавшая в районе Транскея.

хотя в ней заключалась мораль всей пьесы: тот, кто идет на большой риск, должен быть готов к серьезным последствиям своих поступков.

Я стал членом Христианской ассоциации студентов и по воскресеньям вел в соседних деревнях занятия по Библии. Одним из моих товарищей в этих походах стал Оливер Тамбо, серьезный молодой человек, с которым я познакомился на футбольном поле. Он приехал из Пондоленда, с территории Транскея. С самого начала я оценил острый интеллект Оливера. Он был страстным спорщиком и терпеть не мог избитых общих фраз и банальностей, с которыми многие из нас автоматически соглашались. Оливер жил в Беда-Холле, общезнании англиканской церкви, и, хотя я мало общался с ним непосредственно в Форт-Хэйре, я сразу понял, что ему предназначена великая судьба.

По воскресеньям мы иногда заходили в Элис, чтобы перекусить в одном из ресторанов города. Рестораны принадлежали белым, и в те дни для чернокожего было невозможно войти в парадную дверь, не говоря уже о том, чтобы появиться в обеденном зале. Вместо этого мы отправлялись на кухню и там заказывали то, что хотели.

В Форт-Хэйре я наряду с физикой изучал и другую точную физическую науку – балетные танцы. Под потрескивающий старый граммофон в столовом зале мы часами репетировали фокстроты и вальсы. Каждый из нас по очереди выступал то ведущим, то ведомым. Нашим кумиром являлся Виктор Сильвестер, чемпион мира по балетным танцам, а нашим наставником выступал наш сокурсник Смолли Сивундла, который казался нам молодой версией этого знаменитого мастера.

В соседней деревне находился танцевальный зал для африканцев, известный под названием «Нцеламанзи». Он предназначался для сливок местного чернокожего общества и был закрыт для студентов. Но однажды вечером, рассчитывая попрактиковаться в танцах с представителями слабого пола, мы надели костюмы, выскользнули из общезнания и отправились в «Нцеламанзи». Танцевальный зал оказался замечательным местом, и мы, воодушевившись, осмелели. Я заметил симпатичную молодую женщину на другом конце зала и вежливо пригласил ее на танец. Мгновение спустя она была в моих объятиях. Наша пара двигалась умело и согласованно, и я с немалым удовольствием представлял себе, какие превосходные танцевальные фигуры мы вырисовываем. После завершения последней фигуры танца я решил спросить, как ее зовут. «Миссис Бокве», – тихо ответила она. Я чуть не уронил ее прямо на пол. Быстро окинув взглядом зал, я увидел доктора наук Роузберри Бокве, одного из самых уважаемых африканских деятелей и ученых того времени, беседовавшего со своим шурином и моим профессором З. К. Мэтьюсом. Я извинился перед миссис Бокве, а затем смущенно отвел ее в сторону под любопытными взглядами доктора Бокве и профессора Мэтьюса. Я готов был провалиться сквозь землю. Этим вечером я нарушил множество университетских правил. Однако профессор Мэтьюс, который отвечал за дисциплину в Форт-Хэйре, ни словом не упомянул мне о том инциденте. Он был готов терпеть то, что повышало студентам настроение и психологически поддерживало их, до тех пор, пока это сопровождалось усердной работой с их стороны. Я не думаю, что еще когда-либо учился так прилежно, как в течение нескольких недель после нашего танцевального вечера в «Нцеламанзи».

Университету Форт-Хэйр была присуща определенная изысканность, как интеллектуальная, так и социальная, и к этому мне пришлось привыкать. По западным стандартам, принятые в Форт-Хэйре правила, возможно, и не были совсем уж чрезмерными, но для такого деревенского парня, как я, они оказались некоторым откровением. Мне, например, впервые пришлось надеть пижаму. Поначалу я нашел ее неудобной, однако постепенно привык. Я никогда раньше не пользовался зубной щеткой и зубной пастой. Дома для отбеливания зубов мы использовали золу, а для их чистки – зубочистки. Туалеты со смывом воды и душ с горячей водой также были для меня в новинку. Я впервые стал пользоваться туалетным мылом вместо моющего средства, к которому мы привыкли дома.

Возможно, в качестве реакции на все эти новинки мне порой хотелось вернуться к простым удовольствиям, знакомым мне с детства. Я был не одинок в этом стремлении. Мы с группой молодых парней совершали тайные ночные вылазки на сельскохозяйственные поля университета, где разводили костер, жарили маисовые початки и рассказывали различные истории. Мы делали это не потому, что были голодны. Нам просто хотелось на какое-то короткое время вернуть то, что нам нравилось. Мы хвастались друг перед другом своими успехами, спортивными достижениями и тем, сколько денег мы собираемся заработать, когда окончим университет. Хотя я считал себя искушенным молодым человеком, я все еще оставался деревенским парнем, который скучал по деревенским удовольствиям.

Несмотря на то что Университет Форт-Хэйр являлся для нас местом, удаленным от бурных мировых событий, мы остро интересовались ходом Второй мировой войны. Как и мои однокурсники, я выступал ярким сторонником Великобритании и был чрезвычайно взволнован, узнав, что на церемонии по случаю окончания нами первого курса в университете выступит с речью бывший премьер-министр Южно-Африканского Союза, известный сторонник интересов Англии Ян Смэтс. Для Форт-Хэйра было большой честью принимать у себя этого человека, признанного государственного деятеля международного уровня. Ян Смэтс, который в то время занимал пост заместителя премьер-министра, выступал за объявление Южной Африкой войны Германии, в то время как премьер-министр Дж. Б. Герцог выступал за нейтралитет. Мне было чрезвычайно любопытно увидеть вблизи такого крупного общественного и государственного лидера, как Смэтс.

В то время как Дж. Б. Герцог тремя годами ранее возглавил кампанию по исключению чернокожих из общих списков избирателей в Палату собрания или Совет Капской провинции¹¹, Ян Смэтс казался нам симпатичной фигурой. Меня привлекало в нем то, что он помог основать Лигу Наций, способствуя тем самым продвижению свободы по всему миру. Наряду с этим я в то время игнорировал тот факт, что Смэтс жестоко подавлял свободу в собственной стране.

Смэтс в своем выступлении говорил о важности поддержки Великобритании в борьбе с немцами и о том, что Англия выступает за те же западные ценности, за которые выступаем и мы, южноафриканцы. Помню, я отметил, что его акцент на английском был почти таким же сильным, как и у меня! Вместе со своими однокурсниками я искренне аплодировал ему, приветствуя призыв Смэтса сражаться за свободу Европы и напрочь забыв об отсутствии этой свободы здесь, на нашей собственной земле.

Призывы Смэтса упали в Форт-Хэйре на уже подготовленную почву. Дело в том, что каждый вечер в общежитии «Уэсли-Хаус» проводилась политинформация по обзору развития военной ситуации в Европе, а поздно вечером мы собирались вокруг старого радио и слушали передачи «Би-Би-Си», в том числе возбуждающие нас речи Уинстона Черчилля. Однако даже несмотря на то, что мы в целом поддерживали позицию Смэтса, его визит в университет вызвал в студенческой среде много дискуссий. Так, мой сверстник Ньяти Хонгиса, которого считали чрезвычайно умным студентом, осудил Смэтса как расиста. Он сказал, что мы можем сколько угодно считать себя «черными англичанами», однако англичане, утверждая, что несут нам цивилизацию, на самом деле угнетали нас. По его словам, каким бы ни был антагонизм между бурами и британцами, все белые непременно объединятся, чтобы противостоять угрозе их интересам со стороны чернокожих. Взгляды Хонгисы ошеломили нас и показались нам слишком радикальными. Один из сокурсников шепнул мне, что Ньяти являлся членом

---

¹¹ Указанная кампания завершилась принятием правительством Дж. Б. Герцога Закона о представительстве туземцев, согласно которому чернокожие избиратели больше не могли голосовать на обычных выборах и были помещены в отдельные «списки туземных избирателей».

Африканского национального конгресса. В то время я знал об этой организации очень мало. После объявления Южной Африкой войны Германии Дж. Б. Герцог подал в отставку и Ян Сметс стал премьер-министром.

Во время моего второго года обучения в Форт-Хэйре я пригласил своего друга Пола Махабана провести зимние каникулы вместе со мной в Транскее. Пол был родом из города Блумфонтейн, его хорошо знали в кампусе, потому что его отец, преподобный Закхеус Махабана, дважды был президентом Африканского национального конгресса. Его связь с этой организацией, о которой я все еще знал чрезвычайно мало, создала ему репутацию бунтаря и мятежника.

Однажды во время каникул мы с Полом отправились в Умтату, столицу Транскея, которая в те дни состояла из нескольких мощеных улиц и группы правительственных зданий. Мы стояли у почтового отделения, когда местный магистрат, белый мужчина лет шестидесяти, подошел к Полу и попросил его купить в почтовом отделении несколько почтовых марок. В то время для белого было довольно обычным делом дать любому чернокожему какое-либо поручение. Магистрат попытался вручить Полу какую-то мелочь, однако Пол не взял ее. Белый был оскорблен. «Да знаешь ли, кто я?» – спросил он повышенным тоном, и его лицо покраснело от раздражения. «Мне нет необходимости уточнять это, – ответил Махабана. – Я и так знаю, кто ты». Магистрат потребовал объяснить, что именно Пол имел в виду. «Я имею в виду, что ты мошенник!» – с горячностью заявил в ответ Пол. Магистрат вскипел от негодования и воскликнул: «Ты дорого заплатишь за это!» – а затем в раздражении ушел.

Мне было крайне неприятно поведение Пола. Хотя я уважал его мужество, наряду с этим находил, что он ведет себя неосторожно. Магистрат точно знал, кто я, и, если бы он обратился ко мне со своей просьбой, я бы, особо не задумываясь, просто выполнил его поручение и забыл бы об этом случае. Тем не менее я восхищался поступком Пола, хотя сам еще не был готов сделать то же самое. Я начинал постепенно понимать, что чернокожему вовсе не обязательно каждый день терпеть десятки мелких оскорблений.

После каникул я вернулся в университет, чувствуя себя отдохнувшим и посвежевшим. Я сосредоточился на учебе, помня, что в октябре мне предстоят экзамены. Я уже представлял себе, что буквально через год получу степень бакалавра гуманитарных наук, как и моя бывшая преподавательница Гертруда Нтлабати. Я считал, что высшее образование – это пропуск не только к высокому положению в обществе, но и к финансовому успеху. Ректор университета Александр Керр, профессора Джабаву и Мэтьюс не уставали твердить нам о том, как, став выпускниками Форт-Хэйра, мы войдем в элиту африканского общества. Я верил, что весь мир окажется у моих ног.

Я был также уверен в том, что как бакалавр смогу, наконец, вернуть своей матери достаток и положение в обществе, которые она потеряла после смерти моего отца. Я планировал построить ей в Цгуну настоящий дом, с садом и современной мебелью. Я строил планы всячески поддержать ее и своих сестер, чтобы они могли позволить себе то, в чем так долго отказывали. Такова была моя мечта, и она казалась вполне осуществимой.

В течение этого года я был выдвинут кандидатом в члены Совета студенческих представителей, который являлся высшей студенческой организацией в Форт-Хэйре. В то время я еще не знал, что события, связанные с предстоящими студенческими выборами, приведут к проблемам, которые изменят ход всей моей жизни. Выборы в Совет состоялись в последний семестр года, когда у нас был самый разгар подготовки к экзаменам. Согласно Уставу Университета Форт-Хэйр, все студенты избирали в состав Совета студенческих представителей шесть членов. Незадолго до выборов было проведено общестуденческое собрание, чтобы обсудить имевшиеся проблемы и высказать наши претензии. Студенты единодушно сочли, что качество питания в Форт-Хэйре было неудовлетворительным и что необходимо расширить полномочия

Совета, чтобы он перестал быть марионеточным бюрократическим придатком администрации Университета. Я согласился с обоими предложениями и вместе с большинством студентов проголосовал за бойкот выборов в Совет, если власти не примут наши требования.

Вскоре после этого собрания, как и планировалось официально, состоялись выборы в Совет студенческих представителей. Подавляющее большинство студентов бойкотировало их, но двадцать пять учащихся (то есть около одной шестой части студенческого контингента) пришли на эти условные выборы и избрали шесть членов Совета, одним из которых был я. В тот же день мы, шестеро заочно избранных, встретились, чтобы обсудить сложившуюся ситуацию. Мы единогласно решили подать в отставку на том основании, что мы поддерживали бойкот и, по существу, не пользовались поддержкой большинства студентов. Затем мы составили соответствующее письмо, которое передали ректору Александру Керру.

Ректор Форт-Хэйра был умным человеком. Он принял наши заявления об отставке, а затем объявил о проведении новых выборов на следующий день в столовом зале во время ужина. Такой шаг гарантировал присутствие всех студентов, что лишало оснований возможные утверждения о том, что Совет студенческих представителей не пользовался поддержкой всего студенческого сообщества. Как и приказал ректор, новые выборы были проведены, однако реально проголосовали лишь те же двадцать пять человек, избравшие тех же шестерых членов Совета. Мы вернулись к тому же, с чего и начали.

Только на этот раз, когда мы вновь собрались вшестером, чтобы обсудить положение дел, мнения разделились. Мои пятеро коллег считали, что мы были все же избраны на собрании, на котором присутствовали все студенты, и что поэтому мы уже не могли утверждать, что не представляем студенческое сообщество. Они полагали, что теперь мы должны согласиться со своим членством в Совете. Я же возражал, считая, что на самом деле ничего принципиально не изменилось: хотя все студенты и присутствовали на собрании, большинство из них не голосовали, и было бы неверно (в том числе в нравственном отношении) утверждать, что мы пользовались их доверием. По моему мнению, поскольку нашей первоначальной целью был бойкот выборов (то решение, которое было поддержано студенческим сообществом), то наш долг по-прежнему состоял в том, чтобы выполнять это решение, не поддаваясь на какие-либо уловки со стороны ректора. Не сумев убедить своих коллег, я вновь подал в отставку. И я оказался единственным из шестерых избранных в Совет студенческих представителей, кто сделал это.

На следующий день меня вызвали к ректору. Александр Керр, выпускник Эдинбургского университета, фактически являлся основателем Форт-Хэйра и был очень уважаемым человеком. Он спокойно проанализировал события последних нескольких дней, а затем попросил меня пересмотреть свое решение уйти в отставку. Я ответил отказом. Тогда он предложил мне обдумать все до утра и сообщить ему свое окончательное решение на следующий день на свежую голову. Наряду с этим он предупредил меня, что не может позволить своим студентам вести себя безответственно, поэтому, если я буду настаивать на своей отставке из состава Совета студенческих представителей, он будет вынужден исключить меня из Форт-Хэйра.

Я был потрясен его словами и провел совершенно ужасную ночь. Никогда раньше мне не приходилось принимать такого важного решения. В тот вечер я проконсультировался со своим другом и наставником Кайзером, который заявил, что принципиально я был прав, уйдя в отставку, и что поэтому я не должен капитулировать. Как мне представляется, в то время я прислушивался к мнению Кайзера больше, чем к мнению ректора. Я поблагодарил своего друга и вернулся к себе в комнату.

Несмотря на то что я считал себя правым (в том числе в нравственном отношении), я все еще не был полностью уверен в том, что поступаю верно. Неужели мне предстояло пустить под откос свою академическую карьеру из-за абстрактного морального принципа, который очень мало значил? Вместе с тем мне было трудно смириться с мыслью, что я буду способен пожертвовать тем, что считал своим долгом перед студентами, ради своих собственных эгоистичных

интересов. Я проявил твердость и принципиальность и не хотел показаться обманщиком в глазах своих сокурсников. И в то же время мне было безумно жаль бросать свою учебу в Форт-Хэйре.

На следующее утро я появился в кабинете ректора в состоянии крайней нерешительности. Только тогда, когда он спросил меня, каково мое решение, я понял, как мне следует поступить. Я ответил ему, что не могу с чистой совестью исполнять функции члена Совета студенческих представителей. Александр Керр, казалось, был немного озадачен моим ответом. Он подумал минуту или две, прежде чем заговорить. «Очень хорошо, – сказал он. – Это, конечно, ваше решение. Но я тоже немного поразмыслил над этим вопросом и предлагаю вам следующее: вы можете вернуться в Форт-Хэйр в следующем году при условии, что согласитесь быть членом Совета студенческих представителей. Таким образом, мистер Мандела, в вашем распоряжении есть целое лето, чтобы обдумать это».

В каком-то смысле я был точно так же удивлен своим ответом, как и ректор. Я отдавал себе отчет в том, что с моей стороны было крайним безрассудством покидать Форт-Хэйр. Однако в тот момент, когда мне для продолжения учебы нужно было пойти на компромисс, я просто не мог этого сделать. Что-то внутри меня не позволяло мне решиться на такой шаг. Хотя я оценил позицию Александра Керра и его готовность предоставить мне еще один шанс, меня возмутила его абсолютная власть над моей судьбой. У меня было полное право уйти из Совета студенческих представителей. Эта несправедливость терзала меня, и в тот момент я видел в ректоре не столько благодетеля, сколько небезобидного тирана. Когда я в конце года покинул Университет Форт-Хэйр, я находился в крайне неприятном состоянии полной неопределенности.

8

Обычно, когда я возвращался в Мэкезвени, у меня было чувство легкости и завершенности дел. Однако на этот раз все было по-другому. Сдав экзамены и вернувшись домой, я рассказал регенту о том, что произошло. Он был в ярости и не мог понять причин моих действий. Он считал мое поведение совершенно бессмысленным. Даже не выслушав до конца моих объяснений, он прямо заявил, что мне предстоит подчиниться указаниям ректора и осенью вернуться в Форт-Хэйр. Его тон не допускал никаких дискуссий. С моей стороны было бы бессмысленно и неуважительно спорить со своим опекуном. Я решил на некоторое время отложить обсуждение этого вопроса.

Джагис также вернулся в Мэкезвени, и мы были очень рады видеть друг друга. Вне зависимости от того, как долго мы с Джагисом были в разлуке, братские отношения между нами мгновенно возобновились. Джагис бросил колледж за год до этого и жил в Кейптауне.

Через несколько дней я практически полностью вернулся к своей прежней жизни дома: присматривал за делами регента (включая его стадо), регулировал его отношения с другими вождями. Я не пытался каким-то образом нормализовать ситуацию, сложившуюся в моих отношениях с администрацией Форт-Хэйра, но жизнь имеет обыкновение сама определять свои решения для тех, кто колеблется. Совершенно неожиданно возник другой вопрос, никак не связанный с моей учебой, который заставил меня решительно действовать.

Через несколько недель после моего возвращения домой регент вызвал нас с Джагисом. «Дети мои, – с казал он нам весьма мрачным тоном, – боюсь, что мне осталось недолго жить на этом свете. И прежде чем я отправлюсь в страну предков, я бы хотел убедиться в том, что оба мои сына должным образом женились. Я позаботился о брачных союзах для вас обоих».

Это заявление застало нас обоих врасплох. Мы с Джагисом посмотрели друг на друга с потрясением и беспомощностью. Регент сообщил нам, что обе девушки, подобранные для нас, происходили из очень хороших семей. Джагис должен был жениться на дочери Халипы, знатного представителя племени тембу, а Ролилахле (регент всегда называл меня именно этим именем) предстояло жениться на дочери местного священнослужителя племени тембу. Свадьбы, по его словам, должны были состояться немедленно. *Лобола*, выкуп за невесту, обычно выплачивается в виде скота отцом жениха. В случае с Джагисом она будет выплачена общиной, а в моем случае – самим регентом.

Мы с Джагисом предпочли воздержаться от обсуждений. Расспрашивать регента о чем-либо было совершенно неуместно. Судя по всему, этот вопрос считался решенным. Регент вряд ли потерпел бы какие-либо дискуссии: невесты уже были выбраны, *лобола* заплачена. Вопрос был решен окончательно и бесповоротно.

Мы с Джагисом вышли от регента с опущенными головами, ошеломленные и подавленные. Регент действовал в соответствии с законом и обычаями племени тембу, и его нельзя было осуждать: он хотел обустроить нас в семейном отношении еще при своей жизни. Нам было хорошо известно, что регент имел право организовать для нас браки, но теперь это перестало быть абстрактным действием. Выбранные для нас невесты были не иллюзией, не игрой воображения, а девушками из плоти и крови, которых мы знали.

При всем уважении к семье той девушки, которую регент выбрал для меня, я бы покривил душой, если бы сказал, что она была невестой моей мечты. Ее семья была знатной и уважаемой, сама девушка была привлекательна в полном смысле этого слова – но эта молодая леди, боюсь, уже давно была влюблена в Джагиса. Регент не знал этого, поскольку родители редко знают романтическую сторону жизни своих детей. Моя предполагаемая партнерша, несомненно, стремилась обременить меня не больше, чем я ее.

В то время я был более развит в социальном отношении, чем в политическом. Хотя я и не помышлял бороться с политической системой белого человека, вместе с тем я был вполне готов восстать против социальной системы своего собственного народа. По иронии судьбы, косвенно в этом был виноват сам регент, поскольку именно образование, которое он мне дал, заставило меня в конечном итоге отказаться от племенных традиций и обычаев. Я много лет учился в колледже и университете вместе с девушками, заводил с ними любовные романы. Я был романтиком и не был готов к тому, чтобы кто-то, пусть даже сам регент, стал выбирать для меня невесту.

Я договорился о встрече с женой регента и изложил ей свою проблему. Вряд ли она поддержала бы меня, если бы я заявил, что совершенно не приемлю усилий регента по подбору мне невесты. Вместо этого я разработал альтернативный план и сообщил жене регента, что предпочитаю жениться на девушке, которая являлась ее родственницей, что я именно ее рассматриваю в качестве своего потенциального партнера. Указанная молодая леди на самом деле была очень привлекательна, однако я понятия не имел, какого она обо мне мнения. Я заявил, что намерен жениться на ней, как только окончу свою учебу в университете. Конечно же, это была уловка, но это все же было лучше, чем план регента. Его жена встала в этом вопросе на мою сторону, однако переубедить регента оказалось невозможно. Он принял твердое решение и ни при каких обстоятельствах не собирался его менять.

Как мне казалось, регент не оставил мне выбора. Я не мог согласиться с навязываемым браком, который считал ошибочным и опрометчивым. В то же время я прекрасно понимал, что, отвергнув планы регента в отношении себя, я больше не смогу оставаться под его руководством. Джастис согласился со мной, и мы вдвоем решили, что нам остается единственный вариант – это бежать, и что единственное место, куда можно убежать, – это Йоханнесбург.

Оглядываясь назад в прошлое, я понимаю, что мы с Джастисом не исчерпали всех доступных нам вариантов. Я, например, мог бы попытаться обсудить этот вопрос с регентом через посредников. Нельзя исключать, что в этом случае мы бы пришли к какому-либо соглашению в рамках нашего племени или семьи. Я, наконец, мог бы обратиться к двоюродному брату регента, вождю Зилиндлову, одному из самых просвещенных и влиятельных вождей при дворе Мэкезвени. Но я в то время был молод и нетерпелив и не видел необходимости ждать. Побег казался мне единственным выходом из сложившейся непростой ситуации.

В ходе разработки деталей своего заговора мы с Джастисом держали его в секрете. Нам требовалось улучшить подходящий момент для реализации своих планов. Регент считал, что мы с Джастисом дурно влияем друг на друга. По крайней мере, он был убежден, что склонность Джастиса к авантюрам оказывает воздействие на мой более консервативный характер. В результате он приложил все усилия, чтобы держать нас как можно дальше друг от друга. Когда регент путешествовал, он обычно просил одного из нас сопровождать его, чтобы мы не оставались наедине в его отсутствие. Чаще всего он брал с собой Джастиса, так как его устраивало, что я, оставаясь в Мэкезвени, присматриваю за его делами. Однако как-то мы узнали, что регент собирается уехать на целую неделю, чтобы присутствовать на сессии *бунги*, законодательного собрания Транскея, оставив нас обоих дома. Мы решили, что это идеальная возможность, чтобы улизнуть и отправиться в Йоханнесбург.

У меня было мало одежды, и нам удалось собрать все, что у нас было, в один чемодан. Регент уехал рано утром в понедельник, и вскоре мы были готовы отправиться в путь. Однако как раз в тот момент, когда мы совсем уже собирались уходить из дома, регент неожиданно вернулся. Мы увидели, как подъехала его машина, побежали в сад и спрятались там среди стеблей маиса. Регент вошел в дом и сразу же поинтересовался: «Где мальчишки?» Кто-то ответил: «Они где-то рядом». Но регент был недоверчив и не удовлетворился этим объяснением. Он сказал, что вернулся, потому что забыл взять английскую соль. Он огляделся и, похоже, остался доволен увиденным. Я понял, что у него, должно быть, возникло нехорошее предчув-

ствие, потому что английскую соль он мог легко приобрести в городе. Когда его машина скрылась за холмами, мы уже находились в пути.

У нас почти не было денег, но в то утро мы отправились к местному торговцу и заключили сделку на продажу ему двух призовых быков регента. Торговец предположил, что мы продаем животных по поручению регента, и мы сочли за лучшее оставить его в этом заблуждении. Он заплатил нам очень хорошую цену, и на эти деньги мы смогли арендовать машину, чтобы доехать до местного железнодорожного вокзала, где можно было сесть на поезд до Йоханнесбурга.

Все вроде бы шло гладко. Однако, как оказалось, регент ранее уже побывал на этом вокзале и проинструктировал администратора, что, если двое похожих на нас мальчиков попытаются купить билеты в Йоханнесбург, им надо будет отказать, потому что мы не должны были покидать пределы Транскея. Таким образом, мы прибыли на станцию только для того, чтобы обнаружить, что билетов нам не продадут. Администратор нам так и объяснил: «Ваш отец был здесь и предупредил, что вы можете попытаться убежать». Ошеломленные, мы бросились обратно к нашей машине и велели водителю везти нас на следующую станцию. До нее было почти пятьдесят миль, и, чтобы добраться туда, нам потребовалось больше часа.

Нам удалось сесть на поезд, но доехали мы лишь до Куинстауна. В 1940-х годах путешествие для африканцев было крайне сложным процессом. Все африканцы старше шестнадцати лет должны были иметь при себе «местные пропуска», выданные Департаментом по делам коренных народов, и предъявлять их по требованию любому белому полицейскому, государственному служащему или работодателю. Невыполнение этого требования могло привести к аресту, суду, тюремному заключению или штрафу. В пропуске указывалось, где жил его предъявитель, кто был его работодателем и уплатил ли он ежегодный подушный налог, который взимался только с африканцев. Позже пропуск принял форму брошюры или, как его называли, «справочника», содержащего подробную информацию про его владельца, которую работодатель должен был каждый месяц заверять своей подписью.

Наши с Джастисом «местные пропуска» были в полном порядке, однако для того, чтобы африканец покинул свой административный район и въехал в другой с целью работы или проживания, ему требовались проездные документы, разрешение и письмо от своего работодателя или, как в нашем случае, от опекуна. Ничего из перечисленного у нас не было. Даже в том случае, если все эти документы были в наличии, полицейский мог придираться из-за случайного отсутствия одной из многочисленных подписей или ошибки в дате. Отсутствие какого-либо документа означало большой риск для нарушителя.

Наш план состоял в том, чтобы сойти в Куинстауне, добраться до дома одного из родственников, а затем оформить необходимые документы. В этом плане было множество изъянов, но нам повезло, потому что в Куинстауне мы случайно встретили вождя Мпондомбини, брата регента, который симпатизировал Джастису и мне.

Мпондомбини тепло приветствовал нас, и мы объяснили, что нам нужны проездные документы от местного магистрата. Мы солгали о том, зачем они нам понадобились, заявив, что выполняем поручение регента. Мпондомбини ранее работал переводчиком в Департаменте по делам коренных народов и хорошо знал главного магистрата. У него не было причин сомневаться в той истории, которую мы изложили, и он не только сопровождал нас к магистрату, но и поручился за нас, объяснив, что мы случайно попали в затруднительное положение. Выслушав его, магистрат быстро оформил необходимые проездные документы, скрепив их официальной печатью. Мы с Джастисом посмотрели друг на друга и обменялись улыбками соучастников.

Однако как раз в тот момент, когда магистрат передавал нам документы, он кое-что вспомнил и сообщил, что в рамках профессиональной этики должен сообщить о нашем деле главному магистрату Умтаты, в юрисдикции которого мы оказались. Это нас встревожило, но нам ничего другого не оставалось, кроме как ожидать дальнейшего развития событий. Маги-

страт связался по телефону со своим коллегой – и оказалось, как назло, что регент в это время как раз наносил визит главному магистрату Умтаты и находился в его кабинете.

Когда местный чиновник объяснил нашу ситуацию главному магистрату Умтаты, последний произнес: «О-о, а их отец совершенно случайно сейчас здесь!» – а затем, как было слышно в телефонной трубке, обратился к регенту. Когда регенту обо всем рассказали (в том числе о нашем запросе проездных документов), тот буквально взорвался от негодования. «Арестуйте этих парней! – закричал он так громко, что мы могли отчетливо слышать его голос в телефоне. – Арестуйте их и немедленно доставьте сюда!» Главный магистрат положил трубку, сердито посмотрел на нас и заявил: «Вы, парни, воры и лжецы. Вы воспользовались моей добротой, чтобы обмануть меня. Теперь я прикажу арестовать вас».

Я тут же стал защищаться. В результате учебы в Форт-Хэйре я уже немного разбирался в законах, поэтому решил использовать свои знания на практике. Я признался в том, что мы солгали ему. Однако мы не совершили никакого преступления и не нарушили никаких законов, поэтому нас не могли арестовать просто по требованию вождя племени, даже если он и оказался нашим отцом. Магистрат смягчился и не стал подвергать нас аресту, но велел нам покинуть его кабинет и никогда больше не появляться перед его глазами.

Вождь Мпондомбини также был весьма раздосадован и предоставил нас самим себе, отказавшись от дальнейшей помощи. Джастис вспомнил, что у него в Куинстауне был приятель, Сидни Нсу, который работал в офисе белого адвоката. Мы пошли к этому парню и объяснили ему нашу ситуацию. Сидни сказал нам, что мать адвоката, на которого он работал, завтра едет в Йоханнесбург и что он попробует договориться насчет того, чтобы она подвезла нас. За свою услугу она запросила пятнадцать фунтов стерлингов. Это была огромная сумма, намного больше, чем стоимость билета на поезд. Она практически истощила наши сбережения, но у нас не оставалось другого выбора. Мы решили, рискнув, заверить наши «местные пропуска» печатью и оформить правильные проездные документы, как только окажемся в Йоханнесбурге.

Мы выехали на следующее утро. В те дни было принято, чтобы, если за рулем был белый, чернокожие ехали на заднем сиденье. Таким образом, Джастис оказался на месте прямо за женщиной. Поскольку он отличался повышенной жизнерадостностью и общительностью, то сразу же начал со мной болтать. Это очень раздражало женщину. Судя по всему, она никогда не была в компании чернокожего, который чувствовал себя совершенно раскованно в присутствии белых. Проехав несколько миль, она велела Джастису поменяться со мной местами, чтобы она могла присматривать за ним. До самого конца поездки она следила за ним, как ястреб. Тем не менее через некоторое время обаяние Джастиса все же подействовало на нее, и она иногда даже смеялась над тем, что он рассказывал.

Около десяти часов вечера того же дня мы увидели мерцавший вдалеке лабиринт огней, который, казалось, простирался во всех направлениях. Электричество для меня всегда представлялось удивительной вещью, а здесь передо мной распахнулся огромный город, весь освещенный электричеством. Я был ужасно взволнован, увидев Йоханнесбург, о котором слышал с детства. Он всегда описывался как город мечты, как место, где можно было превратиться из бедного крестьянина в богача, как город крайних опасностей и безмерных возможностей. Я вспомнил истории, которые нам рассказывал Банабахе перед обрезанием, о высоких зданиях, у которых не было видно крыш, о толпах людей, говорящих на языках, которые вам раньше даже не доводилось слышать, об элегантных автомобилях, красивых женщинах и лихих гангстерах. Это был «Эголи», «золотой город», где скоро я буду обустривать свой дом.

На окраинах города движение стало заметно плотнее. Я никогда не видел на дороге столько машин одновременно, даже в Умтате. Там можно было встретить лишь горстку машин, здесь же их были тысячи. Мы ехали в окрестностях города, не въезжая в его центр, но я мог видеть силуэты высоких массивных зданий, темные на фоне ночного неба. Я рассматривал

большие щиты рядом с дорогой с рекламой сигарет, конфет и пива. Все это казалось чарующим миром.

Вскоре мы оказались в районе величественных особняков, самый маленький из которых был гораздо больше дворца регента, с великолепными лужайками и высокими железными воротами. Это был пригород, где жила дочь подвезшей нас леди. Мы свернули на длинную подъездную дорожку одного из этих красивых особняков. Меня с Джастисом отправили во флигель для слуг, где нам предстояло провести ночь. Мы поблагодарили нашу леди, а затем устроились спать на полу. Однако перспектива жизни в Йоханнесбурге настолько взволновала меня, что в ту ночь мне казалось, будто я спал на мягкой перине. Открывающиеся передо мной возможности казались безграничными. Как мне казалось, я достиг конечного пункта своего долгого пути, однако на самом деле это было только началом гораздо более долгого и трудного путешествия, в ходе которого мне предстояли такие испытания, какие я тогда себе не мог даже вообразить.

Часть вторая. Йоханнесбург

9

Когда мы добрались до офисов шахты «Краун Майнс», которые располагались на плато большого холма с видом на все еще спавший мегаполис, уже рассвело. Йоханнесбург появился после открытия в 1886 году огромных месторождений золота в Витватерсранде¹², и шахта «Краун Майнс» являлась крупнейшим золотым рудником вблизи этого «золотого города». Я ожидал увидеть величественное здание, похожее на правительственные учреждения в Умтате, но офисы шахты «Краун Майнс» представляли собой ржавые жестяные лачуги на поверхности рудника.

В самом золотом руднике не было ничего магического. Он являл собой огороженную со всех сторон бесплодную, словно покрытую оспинами территорию в сплошной грязи, без единого деревца и был похож на кровавое поле битвы, изуродованное войной. Везде стоял резкий, бивший по ушам шум, в котором переплетались скрежет шахтных подъемников, звон дрелей, отдаленный грохот динамита, отрывистые крики приказаний. Куда бы я ни посмотрел, везде были видны согбенные фигуры чернокожих мужчин в пыльных комбинезонах, выглядевших безмерно усталыми. Они жили на территории рудника в мрачных бараках, в которых теснились сотни бетонных коек, отделенных друг от друга всего несколькими дюймами.

Добыча золота в Витватерсранде являлась весьма дорогостоящим занятием, потому что руда была низкого качества и залегала глубоко под землей. Только дешевая рабочая сила в виде тысяч бесправных африканцев, трудившихся часами за мизерную плату, обеспечивала прибыльность этой добычи. Горнодобывающие компании принадлежали белым, которые за счет африканского народа стали богаче, чем Крез¹³. Я никогда раньше не видел такого крупного предприятия, таких современных машин, такой методичной организации – и такой изнурительной работы. Это было мое первое знакомство с южноафриканским капитализмом в действии, и я понял, что мне предстоит получить новое образование.

Мы направились прямо к *индуна*, или старосте. Его звали Пилисо. Это был крепкий старик, который видел жизнь в ее самых безжалостных проявлениях. Пилисо был готов к приезду Джастиса, так как несколько месяцев назад получил письмо регента с просьбой устроить того на должность клерка, самую желанную и уважаемую работу на шахте. Насчет меня он, однако, узнал впервые. Джастис объяснил, что я его брат.

– Я ожидал только Джастиса, – ответил Пилисо. – В письме твоего отца ничего не говорится о брате.

При этом он окинул меня довольно скептическим взглядом. Однако Джастис принялся умолять его, утверждая, что это случайное упущение и что регент уже отправил новое письмо, в котором упоминается и обо мне. За суровой внешностью Пилисо скрывалась отзывчивая душа, и он взял меня в качестве охранника шахты, пообещав через три месяца также должность клерка, если я справлюсь с первой работой.

Слово регента имело на шахте «Краун Майнс» немалый вес. Это относилось ко всем вождям в Южной Африке. Чиновники горнодобывающей промышленности стремились нанимать рабочую силу из числа сельских жителей, а вожди имели неограниченную власть над этими жителями. Чиновники были заинтересованы в том, чтобы вожди поощряли своих под-

---

¹² Витватерсранд – низкая горная цепь в Южной Африке, хребет которой формирует континентальный водораздел.

¹³ Крез – последний царь Лидии (правил в 560–46 гг. до н. э.), который слыл в античном мире баснословным богачом, поскольку, как считается, одним из первых начал чеканить монету.

данных устраиваться на работу на рудники. К вождям относились с большим почтением. Шахтерские дома предоставляли им специальное жилье всякий раз, когда они приезжали в гости. Письма от регента было достаточно, чтобы обеспечить человека, за которого тот хлопотал, хорошей работой. С учетом этих обстоятельств к нам с Джастисом отнеслись с особым вниманием. Нам выдавали бесплатный паек, предоставили спальное помещение и платили, пусть небольшое, жалованье. В первую ночь мы не остались спать в бараках. Из уважения к регенту Пилисо на первые нескольких дней пригласил Джастиса и меня остаться с ним.

Многие шахтеры, особенно из Тембуленда, относились к Джастису как к вождю и одаривали его денежными подношениями (обычно так поступают по отношению к вождю, когда тот посещает шахту). Большинство из них жили в одном бараке, так как шахтеры размещались, как правило, в соответствии с принадлежностью к тому или иному племени. Горнодобывающие компании предпочитали соблюдать такую сегрегацию, поскольку она не позволяла различным этническим группам объединяться для решения своих проблем и усиливала власть вождей. Разделение часто приводило к стычкам между различными этническими группами и кланами, которые практически игнорировались со стороны управляющей компании.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.